

18+

Виталий Фёдоров

Шам

Виталий Фёдоров

Шам

«Издательские решения»

Фёдоров В.

Шам / В. Фёдоров — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-567473-9

Производственный роман из жизни инженеров-бурильщиков Месопотамской нефтегазоносной провинции. Многочисленные совпадения с реальными людьми, местами и событиями являются случайными. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-00-567473-9

© Фёдоров В.
© Издательские решения

Содержание

I	8
II	30
III	45
IV	57
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Шам

Виталий Фёдоров

© Виталий Фёдоров, 2022

ISBN 978-5-0056-7473-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«По сообщению Минобороны России, подразделения 4-й танковой дивизии сирийских правительственных войск во взаимодействии с частями 5-го добровольческого штурмового корпуса и отрядами военного Мухабарата освободили город Акербат»

РИА Новости, 2 сентября 2017 года

2 сентября 2017 года, к юго-востоку от Акербата¹

– Какого хера, блять?!

Маленькие, злобные глазки на одутловатом лице свирепо выпучились, придавая Зару устрашающее, слегка психопатическое выражение. Пожалуй, даже без «слегка».

– Я спрашиваю, какого хера?! Ёбарь! – полтора центнера острого ума, неплохого чувства юмора и, что сейчас важнее, крайне скверного характера нависли над маленьким, щуплым командиром первого расчёта. – Ты что, сука, длинный от короткого не отличаешь?!

Ёбарь открыл было рот, дабы сказать что-то в своё оправдание, но благоразумно захлопнул его и виновато уставился на землю. Ровно то же самое проделали все полтора десятка столпившихся рядом с ним разномастно одетых мужиков. Своего командира батареи они уже успели изучить, и навлекать на себя его гнев дураков не было.

...повторяю – наблюдаю мощную детонацию бэ-ка у фатимидов на высоте восемьсот-двадцать-шесть!..

Хрип рации, доносящийся от стоящей неподалёку «буханки» -кэшээмки,² в иной ситуации вызвал бы смех и ехидные шутки, но взбешённый Зар к веселью не располагал.

...горит несколько единиц техники...

– Как, я спрашиваю, мог вместо длинного короткий уйти?! Вы что, мля, дебилы тут все?! В шары долбитесь?! Кто, сука, не может крышки различать, а?! – взгляд Зара пробежал по уставившейся под ноги толпе, как будто взаправду выискивая желающих признаться в слепоте. – Мне что, мля, самому всё делать?! Я могу, не вопрос! Так и скажите: «Зар, я дебил, долблюсь в шары, ни хера не умею!». Я буду всё делать сам, а вам работу попроще найду!

Вспышка командирской ярости пошла по уже привычному руслу «всех уволю, один останусь», и артиллеристы-реактивщики облегчённо перевели дух. Про себя, разумеется – комбат слепотой отнюдь не страдал, заводился с пол-оборота и здоровенные кулаки пускал в ход без особых раздумий.

...похоже, бородатые заправили «Буратино»³ во время перезарядки...

Кто-то, не сдержавшись, фыркнул. Приземлился ушедший с направляющей вместо предполагавшегося длинного короткий эрэс⁴ на позиции своих, настроение было бы совсем невесёлым. Во-первых, своих жалко, во-вторых – они, если догадаться, от кого посылка, могут

¹ 34°57'01.1"N 37°37'10.0"E

² Командно-штабная машина (в данном случае на базе УАЗ-452)

³ ТОС-1 «Буратино» – тяжёлая огнемётная система залпового огня на базе танка Т-72

⁴ РС – реактивный снаряд

потом приехать и прострелить колено. В лучшем случае, а так могут и не колено, если у них кто-то задвухсотится. Но, по экстренной прикидке вычислителей, падение должно было произойти в стороне от рвущихся к Акербату штурмов, а судя по радио – под раздачу попали «арахниды», которых жаль примерно в той же степени, что и садыков. То есть, вообще нисколько. Опять же – никто посторонний не догадался, что случилось.

Бешенство комбата вызвало не полыхающее где-то далеко за каменными вершинами зарево пожара и вторичных детонаций боекомплекта, а сам факт ошибки. Перфекционизм начальства редко облегчает жизнь подчинённым, скорее наоборот.

– Кому, сука, смешно там?!

Зар продолжал бушевать, но, скорее, уже для порядка, чем искренне, и все расслабились окончательно. В конце концов, косяк и правда имел место, так что, огребание звиздюлей незаслуженным назвать нельзя.

БАМ!

Гулко ударило по ушам – до позиции лупящих полными зарядами пушкарей полторы сотни метров, не больше. Звук несколько раз скрикошетиловал от торчащих вокруг скал и ушёл в сумеречное небо.

Зар Чекупсу!

– На приёме Зар! – дежурящий в кэшээмке Башкир отозвался незамедлительно, работая тетрадь и ручка уже наготове. С комбатом вычислители общаются куда чаще остальных, и попадать под горячую руку ему хотелось меньше всего.

Цель – К-восемнадцать! Десять четыреста восемьдесят шесть. Двадцать два девятьсот пятьдесят четыре. Высота семьсот пятьдесят пять. Навестись, о готовности доложить!

– Цель – К-восемнадцать! Десять...

Дождавшись, пока Башкир подтвердит полученные с КП дивизиона данные, Зар обернулся к терпеливо ожидающим подчинённым.

– Ну, хули столпились, как бараны?! Работаем, млять! По местам, воины фараона Ихтамнета!

Расчёты трёх стареньких, сильно потрёпанных жизнью «Градов»⁵ разбежались к своим невесть как впихнутым между скал машинам, сопровождаемые ободряющим командирским «Кто ещё раз накосячит – лично ебальник разобью!».

– Второе орудие! Работаем длинными! Длинными, млять! Прицел четыреста один! Угломер ноль двадцать три!

– Прицел четыреста один! Угломер ноль-двадцать три! Работаем длинными!

– Да!

– Наведено-готово!

– Четыре эрэса! Пять секунд выстрел! Огонь!

– Четыреэрэсапятьсекундвыстрелогонь!

– Да!

– От машины! Выстрел!

Уже наученные горьким опытом, все дружно укрылись за камнями и машинами.

БАМ-Ж-ЖУХ!

Первая ракета ушла в небо, выбив реактивной струёй несколько килограммов разлетевшейся по окрестностям каменной крошки.

– Выстрел!

БАМ-Ж-ЖУХ!

⁵ БМ-21 «Град» – советская реактивная система залпового огня калибра 122 мм, на шасси «Урал-375Д»

На этот раз крошки было меньше, зато на капот стоящего неподалёку третьего «Урала» приземлился увесистый булыжник с детскую голову размером, заставив водителя матюгнуться.

– Выстрел!

БАМ-Ж-ЖУХ!

Ракеты уходили на северо-северо-запад, туда, где между горных вершин можно было увидеть горящие на равнине огни. Наступление на Акербат продолжалось уже вторую неделю, бои в непосредственных окрестностях города (и артобстрелы его самого) шли четвёртый день, но электросети и (к удовольствию не только обороняющихся, но и наступающих) сотовая связь в юго-западном форпосте Халифата⁶ по-прежнему работали, хвала Аллаху.

– Выстрел!

БАМ-Ж-ЖУХ!

– Очередь, расход четыре, несходов нет!

– Восстановить наводку! Заряжаем!

Высочившие из укрытий люди со всех сторон кинулись к выложенным прямо на землю слева от пусковой эрэсам, словно муравьи на гусеницу.

Из-за гор один за другим донеслись отдалённые разрывы. Высокий, худощавый мужик с бритым наголо черепом и начавшей отрастать бородой, с хэканьем затолкнул очередной эрэс в направляющую и, обращаясь к стоящему рядом Ёбарю, кивнул в сторону Акербата.

– Слышал, Серёга – три только. Один не сработал.

Похожий на лепрекона командир первого расчёта пожал плечами.

– Ну, а хера ты хотел? Они были просроченные, ещё когда я служил, а это двадцать лет назад было. Скажи спасибо, что вообще летают.

Стоп стрельба! Работают «вислоухие»! Повторяю – стоп стрельба! Работают «вислоухие»!

– Это они вовремя. Ну чё, Интеллигент, по чайку может тогда, а? Минут десять-пятнадцать они по любому работать будут. Заварка есть у меня. – сухой, надтреснутый голос Ёбаря непритворно оживился. Высокий и худой согласно кивнул.

– Добро. Чайник закипел, как раз. У меня ещё печенье осталось...

Воздух вокруг внезапно наполнился шелестом, переходящим в рёв, и прямо над позицией батареи один за другим прошли три вертушки —Ми-8, Ми-24 и ещё что-то, неопознанное ни Ёбарем, ни Интеллигентом. «Вислоухие» перевалили седловину между двух вершин и ушли вниз, на равнину. Ещё через несколько минут с той же стороны донеслись глухие раскаты. Акербат, уже взятый в телевизор, продолжал держаться.

⁶ "Халифат", "Исламское государство", "ИГИЛ" – террористическая организация, запрещённая на территории РФ (и вообще почти везде).

I

Раздолбанный, ощутимо умученный жизнью «пазик» проехал первый КПП⁷ и, издав жалобный скрип, затормозил на площадке перед вторым. Из открывшейся двери на покрытую следами асфальта землю выбрались трое навьюченных рюкзаками мужиков.

– Во-о-он туда вам! – похмельного вида водитель-адыг ткнул тощим волосатым пальцем вправо, где за давно некрашеным шлагбаумом уходила в неизведанные дали слегка посыпанная щебнем грунтовка.

Дверь захлопнулась, выхлопная труба плюнула дымом и трудяга-«пазик» поехал ко второму КПП. Полдюжины пассажиров, добирающихся в военный городок 10-й бригады, равнодушно скользнули взглядами по оставшейся позади троице – подобная публика в окрестностях Молькино уже давно привычная деталь пейзажа.

Худощавый, бритый наголо и высокий, за метр восемьдесят пять, выглядящий постарше остальных, недовольно покосился на шарящих по карманам товарищей.

– Пойдём, наркоманы. На ходу подымите.

Тоже высокий, хоть и пониже, атлетического сложения блондин упрямо помотал головой:

– Не, не люблю на ходу. Погоди, куда спешить-то? Приехали, можно сказать.

«Бритый» несогласно цокнул:

– У них сейчас лимит заполнится, и что тогда? «Приезжайте через месяц-другой, когда кто-то задвухсотится»? Придём, в списки внесут, и там уже можно будет не спешить.

Третий, невысокий и коренастый здоровяк, единственный из всех, кому явно не больше тридцати, вздохнул:

– Да нет, правильно. Пойдём, по дороге покурим.

Блондин недовольно поджал губы, но возражать не стал, и все трое пошли к шлагбауму.

– Рука бойца колоть устала! – прокомментировал открывшееся зрелище «бритый».

Солдат-срочник, наверняка из той самой «10-ки», уютно свернулся калачиком в маленькой будке на половинке старого, засаленного матраса, и ритмично посапывал. Вторжение неизвестных лиц на вверенный ему пост бойца явно волновало примерно никак, или даже чуть меньше.

Троица переглянулась, синхронно пожала плечами и обошла шлагбаум сбоку. Солдат спит, служба идёт. «Так было, так есть и так будет всегда...» – почти не фальшивя, пропел блондин на мелодию советского гимна.

Покрытая засохшей грязью дорога, потихоньку меандрируя, шла плюс-минус параллельно трассе Краснодар – Джубга. По крайней мере, шум машин справа доносился, а иногда в просветах между вымахавшими в человеческий рост сорняками мелькали и сами бензиновые колёсицы.

Метрах в восьмистах впереди дорога круто сворачивала вправо, теряясь за рощей. Троица успела преодолеть почти половину пути, когда из-за поворота на хорошей скорости выскочил «УАЗ-Патриот». Несколько секунд, мелькает за грязным лобовым стеклом какая-то начальственная рожа справа от водителя, и остаётся лишь облако пыли, оседающее на дорогу, на кусты по сторонам от неё и на матерящуюся троицу на ней.

– Сука! Видишь же, что люди идут, ну притормози ты... – блондин недостатком вспыльчивости явно не страдал.

– Начальство, хули. По роже видно. Насрать ему на людей. – «бритый» отнёсся к событию более философски.

⁷ Контрольно-пропускной пункт

Через несколько минут из-за приблизившегося поворота выскочили ещё несколько машин, самых разнообразных – от чёрной «джигитки», затонированной наглухо и заниженной по самое небалуйся, до «девочкового» 107-го Пежо. За рулём последнего, кстати, оказалась вполне симпатичная женщина. Увы, как и остальные водители, к проблемам задыхающихся от пыли пешеходов совершенно равнодушная.

– Точно в первой начальство было! – «бритый», отплевавшись от пыли, перешёл к отряхиванию одежды. – Оно свалило, и все разбегаются.

Крепыш, не столь озабоченный вопросами чистоты, сосредоточился и выпустил кольцо табачного дыма.

– А точно нам не скажут «ночуйте где хотите, приходите завтра»?

Он сокрушённо вздохнул, наблюдая гибель своего творения под порывом ветра.

– Не. – «бритый» стряхнул пыль со штанин. – Я ж говорю – там хоть ночью приходи, дежурные есть, примут. Спрашивал у Тунгуса.

До поворота осталось совсем немного, когда из-за деревьев одна за другой потянулись небольшие группки мужиков сугубо ненадзорного вида. По каким-то невыразимым словами, но от этого не менее явным признакам, было понятно, что народ, оставшийся без командирского пригляда, идёт в деревню за бухлом.

Троица вежливо приветствовала встречных кивками, в основном, хотя и не всегда, получая ответные. Новички с рюкзаками явно давно стали здесь скучной, примелькавшейся обыденностью.

Дорога, нырнув в рощу и повернув направо, уже через полсотни метров не менее решительно ушла влево, а за деревьями показались двухэтажные здания, обшитые дешёвым пластиком. Спирали «егозы» и развёрнутые *внутри* камеры по верху сетчатого забора незамеченными не остались, но комментарий вслух не последовало. Что тут комментировать, и так всё понятно.

За воротами, по утопанной смеси грязи и щебня, броуновски двигались разномастно обмундированные мужики самого широкого диапазона обликов – от «с таким в тёмном переулке нугонах» до «без зеркала хозяйство не разглядит».

У сидящего в будке дежурного появление троих с рюкзаками ни малейшего удивления также не вызвало, чего нельзя сказать об обратном – стараясь не слишком таращиться, вновь прибывшие исподтишка косились на жуткие шрамы, оставшиеся на месте отсутствующей части головы. Как человек с таким ранением мог выжить, да ещё и не стать овощем – совершенно непонятно. Речь мужику давалась с явным трудом, но было понятно, что это чисто физиологическое затруднение, а сообщает он нормально.

– Трдастрайвыц?

– Ага! – «бритый», первым поняв, о чём идёт речь, энергично кивнул.

Дежурный неловким движением раскрыл засаленную тетрадь.

– Пспрт, вйнь блты йст?

– Да, всё есть.

– Двйт пспрты!

Все трое дружно полезли в карманы.

Переписав данные совершенно неразборчивым подчерком, дежурный вернул документы и ткнул рукой влево.

– Првй кзрм, вхд стрц. Нпсн «Флтр».

Отойдя метров на пять, блондин негромко спросил:

– Кто-нибудь понял, «правая» или «левая»?

«Бритый» пожал плечами:

– Сейчас увидим. Шрамы – звездец, а? Четверти башки нет.

Задумчивые кивки спутников.

Казарма оказалась всё-таки «первой», а не «правой» – лист А-4 с напечатанным на принтере «ФИЛЬТР» косо прилеплен скотчем на двери слева, с торца здания.

Внутри никаких сюрпризов – грязный коридор, душевая, туалеты, кубрик с парой десятков двух- и одноярусных коек, наполовину заполненный народом.

– А вам туда сначала, пацаны! – один из обитателей кубрика, мелкий и чернявый мужичок за сороковник, одетый в спортивный костюм «а ля 90-е», с готовностью помог новичкам сориентироваться. – Вон, где «Шта»... А, бля, опять табличка отвалилась. Туда, короче. – он показал на первую дверь слева.

На стук из-за двери отозвались раздражённым «Да!». Бородач в модном камуфляже, сидевший за ноутбуком с кружкой кофе, гостеприимностью не лучился, равно как и трудовым энтузиазмом. Некий налёт интеллигентности, правда, ощущался.

– Трудоустраиваться?

Угуканья и кивки.

– Паспорта, военные билеты! Загранники у всех есть?

– У всех. – «бритый» подтверждающе мотнул головой. Бородач, принявшийся было просматривать документы, внезапно поднял глаза.

– К двери отойдите, пожалуйста. Не надо тут надо мной нависать. И так устаёшь тут от вас всех за целый день.

Кандидаты на трудоустройство переглянулись, но сделали два шага назад. Ничего лестного для обитателя кабинета в их взглядах, разумеется, не промелькнуло, но его это волновало вряд ли.

– Та-а-ак... – бородач быстро забил какие-то данные в компьютер. – Забирайте паспорта пока. Вон там анкеты лежат. Заполняйте. Да не здесь! – вид мостящегося за второй, незанятый стол «бритого» его явственно возмутил. – За дверь выходите. Потом занесёте. Позывные придумайте, если нет ещё, напишите сверху.

– Мудак какой-то! – выразил общее мнение блондин, когда троица отправилась заполнять бумаги в кубрик.

– Кто? Туер? – чернявый мужичок, похоже, отличался повышенной словоохотливостью. – Да не, он так-то нормальный. Корчит из себя только иногда...

Вопросы анкеты особой оригинальностью не отличались – «что, где, когда». Впрочем, попадались и с подвохом.

– «Что думают ваши родственники и друзья о решении поехать в Сирию?» – крепыш громко процитировал пункт, вызвавший у него сомнения. – Блин, что, всех расписывать, что ли? У меня Юлька в ахуе, конечно. Но деньги-то нужны, поэтому...

– Напиши «не сообщал им и не собираюсь». – порекомендовал «бритый», не отрываясь от своей анкеты. – А будут спрашивать, что родственникам сказал, говори – «на северá уехал».

У него самого затруднения вызвал другой пункт – «Как вы относитесь к политике Руководства страны?». То есть, как именно он относится, отчёт он себе вполне отдавал, разумеется, и отношения этого не стыдился. Но написание слова «руководство» с большой буквы как бы намекало, что честный ответ тут не оценят, потому, пару секунд поразмыслив, «бритый» ухмыльнулся и написал «индифферентно».

Замначальника фильтра с позывным Туер (информация всё от того же разговорчивого мужичка) принял анкеты, забрал вновь паспорта и военники, выдав вместо них обходные листы, после чего показал на большую картонную коробку в углу, заполненную телефонами и планшетами.

– Вот расписки. – на стол легли три маленьких бланка. – Это за телефоны. Заполняйте, я распишусь и отдам вам. Ношение телефонов, звонки, выход в интернет и тэ-дэ кандидатам запрещены. Нарушение – немедленно за ворота. Если очень нужно – подходите, объясняете, звоните при мне.

Убрав телефоны и отдав расписки он, кажется, стал смотреть на кандидатов чуть менее скептически.

– Зачёт по физо завтра утром, в шесть ровно. Ужин через десять минут, увидите, куда все пойдут. По территории просто так не шлаться. Курить – только в отведённых местах, штраф пять тысяч, на месте. Ну и насчёт алкоголя, само собой... – он развёл руками, слушатели кивнули с приличествующими случаю лицами убеждённых трезвенников, и уже собрались было перестать утомлять выпендривающегося кадровика своим присутствием, когда тот вспомнил про позывные и начал забивать их в ноутбук...

– Та-а-ак... «Интеллигент» [отчётливое хмыканье] нормально... «Морлок» нормально... «Татарин» не пойдёт, сразу говорю.

Не набирая на клавиатуре третий позывной, он инстинктивно посмотрел на тёмного, с заметной «южинкой» крепыша, но тот лишь отрицательно помотал головой.

– Это я. – «Татарином» оказался нордический блондин. – А почему?

Кадровик вздохнул, всем своим видом демонстрируя крайнюю обременительность вопроса.

– У нас в Конторе таких штук двадцать уже. Выбирай другой.

Блондин упрямо поджал губы:

– Менять – плохая примета. У меня с Донбасса ещё.

Туер лишь раздражённо отмахнулся:

– Мозг не ипай. Давай другой, или я сам придумаю. Тут таких уже полсотни ходит, кто умничал. Один «Клоун», другой «Чебурашка», и так далее.

Несостоявшийся Татарин поиграл желваками, но решил не обострять:

– Ну... тогда «Норман». – он с усилившимся раздражением посмотрел на мотающего головой кадровика. – Что, и «Норманов» много? «Белый»?

Туер, в очередной раз скривившись, заглянул в анкету.

– Валеев Марат Александрович, Москва... – пальцы коротко пробарабанили по клавиатуре. – «Марат» возьми. Таких два всего пока, нормально.

Блондин, хоть и без особого энтузиазма, кивнул.

– Свободны. Анкеты заберите, завтра с ними на Эс-Бэ и к кадровикам.

Выйдя из кабинета, они попали в поток выливающих на улицу обитателей фильтра – как обычно в таких случаях и бывает, ждать положенного времени никто не в силах, стоит одному подать идею «ну что, пойдём?», как толпу не остановить. И, как, опять же, чаще всего происходит, вся толпа простояла положенные десять минут перед закрытыми дверями гигантской грязно-белой палатки, в которой разместилась столовая. Большинство дымили напропалую – насчёт штрафа, как выяснилось, начальство изволило шутить.

Ужин, к некоторому удивлению новичков, оказался вполне съедобным – гречневая каша с тушёнкой, овощной салат, чай и даже печенье.

– Ну, хоть кормят более-менее. – крепыш, энергично дожёвывающий десятую печенку, выразил общее мнение. – А то помните...

Двое его товарищей согласно кивнули. Они помнили.

* * *

– ...группа. Норматив – двенадцать тридцать, тринадцать ноль, четырнадцать ноль. Туда – обратно, и так три раза.

В ещё не развеявшемся утреннем тумане (не самая типичная погода для июньской Кубани) пронеслись тяжкие вздохи и короткие матерки.

Начальник фильтра, высокий бородач с позывным Вагай, перевёл взгляд на оставшихся.

– Вторая группа, старше сорока. Бежите до Туера и обратно, один километр. Норматив – три пятнадцать, три сорок, четыре ноль. Вопросы?

– А можно мне во вторую? – одышливый толстяк, с забавно торчавшими из коротких красных шорт волосатыми задними ногами, скорчил просительную физиономию. – У меня днюха послезавтра, сорок будет.

– Ну так и приходил бы послезавтра. – душевная чуткость в перечне обязательных качеств местных кадровиков явно не на первом месте. – А раз сегодня – давай, праздничным забегом по бездорожью и разгильдяйству.

Толстяк горестно вздохнул, хотя, при его комплекции, вариант уложиться в четыре минуты на километре выглядел ничуть не более реальным, чем в четырнадцать на трёшке.

Начальник фильтра уже скомандовал вставать на старт, когда со стороны базового лагеря, до которого метров четыреста, показалась бегущая фигура. Приблизившись, она превратилась в кавказского парня лет где-то под тридцать.

– Только прибыл? – Вагай не был расположен терять время. – Давай на старт, потом оформим. Фамилия как? Сколько лет?

– Байрамуков! Двадцать восемь!

Классический прикид «а ля ТЦ «Европейский» – кожаный пиджак, узкие джинсы и остроносые туфли. Впрочем, судя по отсутствию малейшей одышки после забега на четыре сотни метров, со спортом у парня проблем не было.

– Три километра тебе, двенадцать тридцать, тринадцать, четырнадцать. Всё, приготовились! На старт... внимание... марш!

Выстроившиеся в две шеренги кандидаты рванули с места. Впрочем, ещё до того, как первый из них, молодой светловолосый парень спортивного вида, достиг стоявшего в полукилометре от старта Туера, толпа расслоилась на несколько групп, от очевидных любителей бега до не менее явных почитателей челночной ходьбы по маршруту диван-холодильник. На обратном пути к Вагаю сепарация стала ещё более отчётливой.

Первый километр закончился, к несказанному облегчению примерно трети участников. Среди лиц старше сорока поклонников здорового образа жизни как-то не просматривалось – из семи «старичков» один уложился на четвёрку и ещё один – на тройку. Двое последних до финиша просто дошли пешком, неубедительно имитируя при этом бег трусцой

Валеев, замыкающий передовую группу из трёх человек (молодой лидер забега уже давно оторвался и от них, явно собираясь уложиться минут в одиннадцать, если не меньше), бежал без особого напряжения, ритмично вдыхая и выдыхая прохладный утренний воздух. «Передовиков» возглавлял кавказский модник в остроносых туфлях. Некурящий «бритый» отчаянно пытался держаться за ними, но постепенно отставал, невысокий крепыш же запалено хрипел и булькал где-то далеко позади.

Начало третьего километра. «Старички» уже отдышались и с удовольствием глотают никотин чуть в сторонке, насмешливо поглядывая на ещё не отмучавшуюся молодёжь.

Завершающий отрезок. «Бритый» поднажал из последних сил, почти что обнулив отставание от товарища, но уже через пару секунд тот начал финишное ускорение сам и оторвался вновь.

– Двенадцать двадцать пять!

«Бритый» преодолел финишную черту несколькими секундами позднее.

– Двенадцать тридцать одна!

– Млять! – выплюнув ругательство и лишь чудом не выплюнув вместе с ним лёгкие, «бритый» шлёпнулся пятой точкой в окружающие дорогу высокие лопухи, где уже пытались отдышаться прибежавшие чуть раньше. Единственным, кого забег, похоже, не напряг совершенно, был тот самый молодой блондин, бежавший первым и финишировавший ещё до того, как его ближайший преследователь начал последний пятисотметровый отрезок.

Постепенно подтягивались середнячки, а за ними и отстающие.

– Тринадцать сорок одна! Тринадцать сорок шесть!

Крепыш, судя по лицу, оставивший лёгкие где-то далеко позади, с хрипом обрушился в траву под «Тринадцать пятьдесят восемь!». Оставшиеся пятеро в норматив не уложились. Что, впрочем, особой паники у них не вызвало – согласно обсуждавшимся в кубрике вечером слухам, Контора гребла всех, кто мог просто добраться до финиша. Причины такой неразборчивости обсуждались тоже, разумеется, и варианты были не сказать, чтоб очень вдохновляющими, ну да тут уж...

– Первая группа, результаты свои все помнят? Называю результат, говорите фамилию! Десять двадцать две!

– Кузнецов! – белобрысый бегун, давно восстановивший дыхание, держался чуть в стороне от хэкающей и отплёвывающейся толпы.

– Двенадцать ноль девять!

– Байрамуков! – молодой кавказец снял модные туфли и, страдальчески морщась, шевелил ступнями в грязных белых носках. На пальцах левого расплывалось розово-красное пятно.

Через два человека, включая Марата, дошла очередь и до «бритого».

– Двенадцать тридцать одна!

– Шарьин!

«Бритый» вздохнул – он надеялся, что одну секунду Вагай скинет, «за стремление». Но, видимо, не тот случай.

– Чего, Антох, как? – крепыш, немного пришедший в себя, перешёл из положения «лёжа» в «стоя на четырёх костях».

– Аа... – Шарьин махнул рукой. – Секунды не хватило до пятёрки.

Крепыш кивнул, изображая приличествующее случаю сочувствие.

– Тринадцать пятьдесят восемь!

– Петренко!

Крепыш облегчённо выдохнул:

– А я бы ещё чуть – и всё.

– Ой, да ладно. – хмыкнул подошедший Валеев. – Говорят же – всех берут. Только если совсем забить и сойти – тогда нах.

Поднявшийся с травы Антон пожал плечами:

– Ну, один хрен, лучше не нарываться.

Против столь философской мысли возражений ни у кого не нашлось.

Вагай закончил перепись результатов как раз к тому времени, когда от точки поворота дошёл Туер.

– Всё, хорош отдыхать! Идём на турник!

С кряхтением и оханьем, на ноги поднялись последние «спортсмены».

Второй этап проверки физической формы проходил в базовом лагере, на втиснутом между казармой и проволочным забором турнике.

– Кто меньше сорока – подтягивание. Четырнадцать, двенадцать, десять. Сорок и старше – отжимание. Сорок пять, тридцать пять, двадцать пять. Либо, на выбор, подтягивание, норматив общий. – Вагай, не теряя времени, построил всех в одну шеренгу под стеной казармы, где козырёк крыши прикрывал от начинавшегося дождя. – Абрикосов!

Давешний толстяк в красных шортах скептически взглянул на мокрую, грязноватую бетонную плиту, но развивать тему не стал и в хорошем темпе выдал сорок пять отжиманий. Благо, благодаря объёмистому брюшку, особо сгибать руки ему не приходилось.

– У тебя за бег два балла, давай на максимум. – Вагай безжалостен, как и положено бюрократу-кадровику.

Толстяк без видимого напряжения довёл результат до семидесяти и встал, отряхиваясь и неубедительно изображая усталость.

– Байрамуков!

Кавказец ожидаемо не ударил в грязь лицом, легко и непринуждённо подтянувшись двадцатку. Следующий за ним мужик постарше, вроде как снайпер, прошедший обе Чечни, с трудом изобразил пятёрку, извиваясь и делая рывки. На беговой дорожке он тоже не блеснул, мягко говоря, но снайперá, по слухам, в дефиците. Через пару человек дошла очередь и до Марата, которому не составило проблем выдать образцово-показательные пятнадцать раз. Оставивший всех далеко позади на предыдущем тесте Кузнецов особо выёживаться не стал и тоже подтянулся пятнашку, хотя по нему было видно, что ещё как минимум столько же он может сделать не напрягаясь. Крепыш, когда настал его черёд, на один побил установленный Байрамуковым рекорд дня, пытаясь отыгаться за едва-едва не полученный «неуд» в беге.

– Шарин!

– Шарыйн... – пробормотал «бритый», поправляя, но Вагай лишь раздражённо дёрнул бородой в сторону турника. Антон довольно легко и правильно сделал десятку, с видимым напряжением, но по-прежнему правильно ещё три, и лишь рывком дотянулся подбородком до перекладины на четырнадцатый раз. Экзаменатора, впрочем, это устроило.

– Четырнадцать! Ющук!

Тест на физподготовку завершился, причём у как минимум трети кандидатов выходил стопроцентный «неуд». Народ, впрочем, чрезмерного беспокойства не проявлял, предпочитая верить в «берут всех». Слухи, кстати, как все уже знали, в Конторе назывались трассерами. Соответственно, «пускать трассера», «новый трассер прилетел», «трассера летают» и так далее.

– Построение в восемь часов, перед фильтром.

До завтрака оставалось всего ничего, перед закрытой дверью столовой уже собралась внушительная толпа, так что времени на душ не оставалось. Пришлось идти на приём пищи потными и вонючими, хотя по двум третям кандидатов не заметно, что это их хоть сколь-нибудь напрягло. Завтрак, как и ужин, оказался вполне приемлемым – рисовая каша, яйца, сыр, масло и даже варёная колбаса, плюс чай с печеньем. Необъёмно-брюхатый пожилой армянин, щеголяющий в выпендрёжном 5.11,⁸ грозно покрикивал на пытающихся нагрести в тарелку слишком много кусняшек.

Огромный, толстый бело-чёрный кот важно расхаживал среди столов, снисходительно принимая подношения.

– Гитлер, колбасу будешь? – молодой парень с «ирокезом» на голове, не из кандидатов, опустил руку с кусочком «варёнки». Кот, степенно обнюхав подношение, аккуратно взял колбасу и неспешно, с достоинством съел. Характерные чёрные пятна на лбу и под носом не оставляли сомнений, откуда взялось прозвище.

– Надо бы в темпе, а то сейчас душ займут! – предложил Антон, одновременно пытаясь намазать маслом печенье. – Сука!

Попытка не удалась – прочность смёрзшегося до каменного состояния кусочка пальмовой гадости оказалась выше прочности печенья, и последнее раскрошилось в руках.

Как вскоре выяснилось, Шарыйн переоценил любовь временных товарищей к гигиене – помимо их троицы, в душ после завтрака поспешили человек пять, не более.

Восьмичасовое построение вместо Вагая возглавил Туер, оставив причины неразъяснёнными.

– Сейчас все идём в штаб, на второй этаж. Там медкомиссия. После неё, кто закончил, не разбредаться, спускаетесь вниз и ждёте вон там, в курилке. Нале-во! Заходим.

⁸ 5.11 *Tactical* – дорогой американский производитель спецодежды и тактического снаряжения

На втором этаже всех застроили ещё раз, повторив только что озвученное, и добавив технических деталей:

– Сначала сюда, на осмотр. Один выходит, другой сразу заходит. Кто вышел – ждём здесь, ещё анализы сдавать, на наркотики. Первый – заходи!

Начальственная длань уткнулась в подвернувшегося под неё Петренко.

В кабинете сидели упитанно-чеховского облика пожилой врач с молодым помощником, что-то одновременно писавшим на бумаге и набивавшим на компьютере.

– Фамилия, имя, отчество? Возраст? – «Чехов», поправив очки, взглянул на вошедшего.

– Петренко, Григорий Сергеевич, двадцать девять.

«Молодой» пробарабанил по клавиатуре и удовлетворённо «угукнул», видимо, сообщая старшему товарищу «есть такой».

– Жалобы на здоровье есть?

– Нет. – Григорий помотал головой.

Клац-клац.

– Болели туберкулёзом, гепатитом?

– Не болел.

Клац-клац.

– Шрамы на теле, характерные отметки?

– Э-э... да, есть. Пулевое было в пятнадцатом.

Врач махнул рукой:

– Показывайте.

Кандидат приспустил штаны, демонстрируя округлый шрам на левом бедре. «Молодой» встал с места и с близкого расстояния сделал снимок на цифровую «мыльницу».

– Беспокоит?

– Нет.

– Ещё есть?

– Нету.

– Одевайтесь, ждите в коридоре.

Выйдя к остальным и пропустив в кабинет очередного кандидата, Петренко немедленно оказался под градом вопросов с общим смыслом «ну что там?».

– Да, фигня. – он пренебрежительно махнул рукой. – Руки-ноги есть, тубика-желтухи нет – годен.

– Пушечное мясо набирают. – вздохнул один из мужиков постарше, но особой поддержки не получил. Большинство явно придерживалось идеи «пусть возьмут, а там видно будет».

Очередь продвигалась довольно быстро, хотя некоторые, в основном из старшего поколения, задерживались подольше – «Чехова» интересовали болячки, которые обычно портят жизнь мужчинам старше сорока.

Марат вошёл и вышел, практически не задерживаясь, у Антона заняло чуть больше времени фотографирование двух осколочных шрамов на спине.

Закончив осмотр, «Чехов» вышел к ширнармассам.

– Все берём по одной пробирке из ящика. – он показал на стоящую на подоконнике, возле туалета, картонную коробку. – Да погодите, дайте договорить сначала!

Толпа, качнувшаяся было к цели, вновь замерла.

– Как взяли, стойте здесь. По команде, по два человека подходите, называетесь. Заходите в туалет, наполняете пробирки. Выходите, опять отходите сюда, ждёте. Как вызовут – подходите, показываете пробирки. Потом выливаете в туалет, пробирки выкидываете. Всё понятно?

Система казалась довольно запутанной, но уточнять никто не стал, и все дружно ломанулись за пробирками, едва не затоптав доктора. В стеклянных колбочках были какие-то бумажные полоски, немедленно вызвавшие умеренно-остроумные и неумеренно-пошлые шутки.

– Так, два человека, первые, подходим.

Ажиотажа не наблюдалось, так что Антон, пожав плечами, шагнул вперёд. За ним двинулся мужик, жаловавшийся насчёт «пушечного мяса». Прodelав все необходимые манипуляции, они вернулись на место, а доктор вызвал следующую двойку.

– Слушай, кореш... – среднего роста и без особых примет шатен, с виду чуть младше Антона, понизил голос. – Ты как, жизнь себе не подслащал в последнее время?

– В смысле? – не догнал Шарьин.

Шатен сделал нетерпеливый жест, как будто сворачивал «косяк»:

– Тест на две полосочки пройдёшь, говорю?

– А... Да, я только бухаю. А что?

Мужик шмыгнул носом:

– Да я тут перед отъездом сознание расширил малёк, с пацанами. Пробирку дашь свою?

– Э-э...

Антон задумался. Отказать, вроде как, «не по понятиям», дело-то житейское, но и спалиться на такой ерунде тоже особого желания нет – эта работа ему нужна. В конце концов, он решился.

– Ну ладно. Ты только так подгадай, чтоб в сортир зайти тоже, когда я выливать пойду.

Некоторая надежда на то, что «подгадать» у шатена не выйдет, не оправдалась – показав доктору пробирку и удостоившись одобрительного кивка в ответ, Шарьин зашёл в туалет, сопровождаемый ещё двумя кандидатами. Одним из только что получивших пробирки счастливых был настойчивый шатен. Взгляд в сторону дверей – никто не наблюдает, новая и пустая пробирка летит в урну, а уже доказавшая свою полезность переходит в руки любителя «расширения сознания».

Антон, отойдя в конец очереди, краем уха услышал ещё одно совещание, аналогичное тому, что недавно состоялось у него с шатеном. Вообще, от всей организации процесса явственно пахло либо полнейшей халатностью, либо трезвым осознанием того, какой именно контингент сюда стремится. Во втором случае, происходящее становилось понятным. Начальство требует набрать нужное количество людей и проверить их на наркотики. Основная задача здесь, совершенно очевидно, первая. Соответственно, ради неё качеством выполнения второй можно и нужно пожертвовать. Тем более, что выполнение первой проверить очень легко, а вот второй – куда сложнее. Да и мало кому надо, будем откровенны.

Наконец, муторный медосмотр завершился, и всех кандидатов в очередной раз построили перед фильтром. Тут же появился и пропавший куда-то после завтрака Вагай.

– Сейчас идём эсбэшников проходить! После этого, у кого всё нормально, в отдел кадров. Вопросы?

– А-а-у-у-ы-ы!

Проваливший тест на физподготовку снайпер внезапно поднял над головой странно выгнутую руку и завопил во весь голос. Окружающие покосились было со смесью недоумения и раздражения, мол, нашёл время придуриваться, но тут мужчина плашмя рухнул на землю и начал биться в судорогах.

– У него припадок! – непонятно, кто это выкрикнул, но все в растерянности столпились вокруг «эпилептика». Товарищ больного, сапёр-«чеченец», бросился к другу, пытаясь сделать хоть что-нибудь. Вагай схватился за рацию:

– Айболит Вагаю! Айболит Вагаю!

«Айболит слушает»

– На фильтре припадок у человека – упал на землю, бьётся в судорогах! Можешь подойти?

«Две минуты»

У столпившихся вокруг, тем временем, начали зарождаться умные (?) мысли:

– Ложку надо! Зубы разжать, чтоб язык себе не откусил!

– Сейчас принесу! – словоохотливый чернявый Ющук метнулся в кубрик за ложкой.

– Пацаны, руки-ноги ему держите!

Несколько человек с готовностью навалились на конечности несчастного снайпера. Из дверей фильтра выскочил Ющук с ложкой наперевес и замер в растерянности под ободряющее «Во, а теперь челюсти ему разожми», донёсшееся из толпы.

– Дай сюда! – Вагай, тяжело вздохнув, забрал у него ложку и, тоже без особой уверенности, потянулся ей к покрытым пеной челюстям больного.

– Кто-нибудь умеет?

Охотников прогнозируемо не нашлось, начальник фильтра буркнул под нос что-то матерное и приступил. По всей видимости, что-то он делал неправильно, потому что зубы снайпера ломались один за другим с отвратительным звуком, а пена окрасилась кровью. Если угроза того, что жертва припадка откусит себе язык, и была, то сейчас она явно миновала – откусывать стало нечем.

«Чехов», вопреки обещанному, появился только минут через пять, зато с медицинским чемоданчиком. Снайпер к тому времени уже перестал биться, более-менее вернулся в сознание и тихо подвывал, пуская кровавые пузыри.

– Млять, на хера вы ему ложку засунули? Совсем дауны, что ли? – не придя в восторг от зрелища оказанной больному первой помощи, добрый доктор без особого стеснения высказал своё критическое отношение.

Вагай растерянно развёл руками и смущённо пробормотал что-то вроде «Сказали, так надо...».

– И какой полудурок это сказал?

Толпа вокруг места происшествия как-то незаметно разредилась, желающих признаться в авторстве идеи не обнаружилось. Айболит покачал головой:

– Дегенераты, млять. Вы на хрена человеку зубы выломали?

Тишина, нарушаемая лишь подвыванием снайпера.

– На койку его несите, внутрь. Там разберёмся.

Несколько добровольцев осторожно подхватили бедолагу и понесли на фильтр. Друг пострадавшего, разумеется, порывался быть в их числе, но Вагай цепко ухватил его за рукав.

– погоди, без тебя отнесут. Что с ним за фигня такая?

Сапёр с не очень искренним недоумением развёл руками:

– Не знаю, никогда не было такого.

– Что мне тут заливаешь?! – раздражение Вагая прорвалось наружу. – Сейчас вместе с ним вылетит отсюда!

– Да блин, ну я клянусь – первый раз такая хрень! – сапёр, для пущей убедительности, прижал руки к груди.

Вагай, пару секунд помолчав, презрительно сплюнул:

– Посмотрим. Ладно, всё – цирк закончен. Становись!

Кандидаты сгуртовались в некое подобие строя и, ежась под начинающимся дождём, побрели в юго-западный конец лагеря. Там, в нескольких контейнерных домиках, обитали (фэ?) эсбэшники, а также находилось место, попасть куда никому не хотелось. Процесс назывался «на контейнер» и, по слухам, приятным отнюдь не являлся.

Эсбэшники принимали в двух кабинетах, расположенных в разных домиках. Дождь усилился, так что кандидатам в личный состав разрешили укрыться в одном из тех самых «на-контейнеров». Благо, постояльцы на данный момент отсутствовали. Пара грязных топчанов, наручники, сильный запах рвоты и экскрементов. Народ, впрочем, особо не заморачивался, располагаясь поудобнее и старательно отгоняя тюремную вонь табачной.

Появились первые прошедшие собеседование – Абрикосов и Кузнецов.

– Ну, чего там?

Упитанный Абрикосов (кажется, откликающийся на Толика) отмахнулся:

– Да фигня. Что-как, туда-сюда, и всё.

– На полиграф не отправляли? – поинтересовался «расширитель сознания».

– Не-а.

Байрамуков, успевший изгваздать в ржавчине рукав щегольского пиджака и оттирающий его с сосредоточенным видом, поднял голову:

– Не будет полиграфа. Он сломался у них, мне земляк сказал. Два дня уже сломанный.

Достоверность сведений зашкаливающей не представлялась, но несколько человек выдохнули с заметным облегчением.

Крепыш попал на собеседование первым из их троицы. Эсбэшник, довольно молодой и спортивный, кивком показал на стул и протянул руку за анкетой.

– Петренко Григорий Сергеевич, двадцать девять лет, позывной «Морлок»... – представитель местной сигуранцы, судя по отчётливо прозвучавшему в интонации «что за хрень?», с творчеством великого фантаста знаком не был.⁹ – Русский, православный, женат, двое детей, город Балашиха Московской области, не судим, инженер-электрик...

Гриша молча кивнул, мол, он самый. Эсбэшник быстро пробежался по анкете, задержав взгляд на том самом пункте «как относятся», ответ на который подсказал Антон. Судя по кивку и довольной улыбке проверяющего, подсказка удалась.

– Участвовал в боевых действиях на Донбассе в четырнадцатом-пятнадцатом годах... подразделения... ранен под Дебальцево... после госпиталя уехал... а для чего ездил вообще? Какой мотив?

– С фашизмом бороться. – тут уж подсказки Грише не требовались, и так ясно, что нужно включать дурачка.

Эсбэшник вновь одобрительно кивнул.

– А в Сирию зачем собрался?

– Деньги нужны. – вздохнул Петренко. – Третьего заводить собрались. И дом достраивать надо, а то второй этаж под крышу подвели, а отопление...

– Ясно-ясно. – собеседник отчётливо заскучал. – Финансовый мотив основной. Хорошо... в политических партиях состоишь каких-нибудь? Сектах? Экстремистских группах? Азербайджан с узбеками по вечерам не выщемляешь у рынка?

На каждый вопрос Григорий отрицательно мотал головой, чуть замаявшись на последнем. Эсбэшник, впрочем, заминки либо не заметил, либо счёл грех простительным. С учётом лёгких армянских мотивов, проскальзывавших в его облик, вероятнее первое. Широко, размашисто расписавшись в обходном листе и жестом показал «проваливай, следующий».

Следующим был блондин.

– Присаживайся. Валеев Марат Александрович, тридцать два года, позывной «Марат». Татарин, атеист, разведён, дочь семи лет, проживает совместно с бывшей супругой... задолженность по алиментам есть? – эсбэшник поднял глаза на Валеева. – А то если у приставов в базе, то в пролёте, сразу говорю. Кадровики это пробивают.

– Не, нет задолженности. – Марат помотал головой.

– Ну смотри. Далее... город Москва, не судим, бухгалтер, менеджер по продажам... – взгляд стража государственных (?) интересов вновь оторвался от бумаги. – Так менеджер по продажам или бухгалтер?

Блондин поёрзал на жёстком стуле, пытаясь устроиться поудобнее.

– Вообще менеджер по продажам. Но ещё бухгалтерию у пару ипэшников знакомых вёл.

⁹ Морлоки – подземная раса каннибалов из романа Г. Уэллса «Машина времени», эволюционировавшая из промышленного пролетариата.

– Ясно. Что продаёшь?

– Сантехнику.

– Хм... – собеседник ухмыльнулся каким-то своим мыслям, но делиться ими не стал и вернулся к анкете. – Участвовал в боевых действиях на Донбассе в четырнадцатом году, с апреля по октябрь... Чего уехал так быстро? Ранен же не был?

Марат пожал плечами:

– Да как-то говно полное началось, как Минск подписали. Не хрен там было больше делать. Начальство набокопóрило, пусть само дальше расхлёбывает.

– Ясно... – ответ, судя по всему, эсбэшника не слишком вдохновил. – А чего ехал-то вообще?

– За Россию воевать. – вопреки немного пафосному подбору слов, тон Валеева был совершенно искренним.

– Так ты ж нерусский. – в голосе эсбэшника прозвучала явная подначка.

Марат, по натуре довольно вспыльчивый, представил, как он сейчас выдёргивает этого клоуна из-за стола, пару раз бьёт башкой об контейнер и потом долго, с удовольствием пинает по почкам. Но, помимо вспыльчивости, существуют ум, осмотрительность и стеснённое финансовое положение, так что душевный порыв пришлось подавить.

– Ну, ты тоже, что ж теперь. У всех свои недостатки. – от ответного ехидства он всё-таки не удержался.

Эсбэшник зло поджал губы:

– Отвечайте на вопросы, не надо умничать. А то сейчас пешочком на остановку пойдёте.

Марат заметным усилием воли сдержался.

– Я ответил – за Россию воевать поехал.

– Националист, что ли? – не унимался армянин.

Марат вновь пожал плечами:

– Мм... имперец, скорее. Но в партиях не состою, и вообще ни в чём таком...

Эсбэшник при слове «имперец» напоказ, с издевкой хмыкнул, но никакой реакции от Валеева не получил и раздражённо придвинул к себе обходник. Резкая, нервная роспись, рука толкает листок по поверхности стола в сторону кандидата, но тут же отдёргивается обратно. Вместе с листком.

– Да, а в Сирию зачем *пытаетесь* поехать?

– Деньги нужны.

– Конкретнее?

– На первоначальный взнос по ипотеке хочу заработать.

Эсбэшник кивнул и толкнул обходной лист в сторону Марата.

– Свободны.

Валеев молча забрал обходник, поднялся и вышел.

Последний из друзей, тем временем, попал на приём к коллеге армянина по чекистскому цеху – этот был постарше и поупитанней, с не очень ухоженной эспаньолкой.

Помимо внешних отличий от коллеги, он ещё и не имел привычки читать анкету вслух, вместо этого молча пробегая строчки глазами и озвучивая лишь заинтересовавшие его моменты.

– Почему «Интеллигент»?

Шарьин скорчил гримасу «ну, вот так вот»:

– На Донбассе ребята прозвали. Наверное, читать потому что люблю, книжки таскал с собой всё время.

– Понятно... А на жизнь чем зарабатываешь, что-то я не очень понял?

Антон мысленно вздохнул – момент был скользкий.

– Копирайтингом в основном.

Брови эсбэшника поползли вверх, и Антон развил мысль, не дожидаясь вопроса:

– Тексты пишу – для рекламы, различных презентаций и тому подобное.

Его собеседник задумчиво пробарабанил пальцами по столу:

– Типа *журналиста*, что ли?

Тон слова «журналист» не оставлял сомнений в том, что, по мнению эсбэшника, это что-то неопишимо мерзкое – куда хуже педофила и почти так же отвратительно, как прокурор.

– Не-не. – Шарьин энергично потряс головой. – Журналист это другое совсем. Они проводят расследования, выискивают там всякое-этакое... а я просто рекламу на заказ пишу. Про разные товары.

– Хм... – обладатель эспаньолки не выглядел окончательно убеждённым. – У нас тут с этим строго. Не надо ничего писать, а то будет мучительно больно за бесцельно прожитые годы. И просто будет.

– Я в курсе. – Антон кивнул с максимальной искренностью, которую мог симитировать.

– Ну... ладно. Что, как платят-то за этот твой... копирайтинг?

Ответ начался с тяжёлого вздоха.

– Да не то чтобы очень, особенно сейчас. Иначе я бы этим и занимался, а не сюда приехал. Эсбэшник кивнул с сочувствием, кажется, даже не полностью притворным.

– В партиях и всём таком [неопределённо-негативный жест] не состоишь? На газеты-телеканалы-информгентства не работаешь?

– Не-не. – судя по разгладившейся складке на лбу эсбэшника, Антону удалось выдать нужную пропорцию искренности и лёгкой обиды – «в каких гадостях меня подозревают».

– Хорошо... на Донбасс почему поехал?

Ответ на этот вопрос у Шарьина был заготовлен заранее:

– Ну... был какой-то патриотический подъём тогда... сами же помните, наверное?

Собеседник кивнул с приличествующим вопросу выражением, и даже пробормотал что-то типа «Да-да, помню-помню, а как же...».

– «Индифферентно» ... – эсбэшник хмыкнул. – Обычно либо очень любят, либо так не любят, что аж кушать не могут.

Антон пожал плечами и соврал:

– Я на это как на погоду смотрю. Сейчас плохая, потом может хорошая будет, а может и нет. Но поделать всё равно ничего нельзя, а жить-то надо.

Эспаньолка задумчиво качнулась в молчаливом согласии, на чём проверка и завершилась.

Проверку прошли все, хотя кое-кого (например, Байрамукова) расспрашивали въедливее остальных. Видимо, помогла поломка полиграфа – по слухам, пока шайтан-девайс работал, на него отправляли каждого четвёртого.

Кандидаты вновь переместились к штабной казарме, дабы попасть на приём к кадровикам, но тем пока было не до новичков – перед штабом сгрудилось полторы сотни мужиков в камуфляжах, «горках», гражданке и различных комбинациях всего вышеперечисленного. Гора рюкзаков и баулов подсказывала, что намечается передислокация.

– Что, братан, цигель-цигель, «Михаил Светлов»? – шатен-травокур, оказавшийся Егором из Златоуста, верен своей оригинальной манере выражаться. Впрочем, тащивший огромный рюкзак парень с популярным здесь «ирокезом» его понял:

– Ага. Ща автобусы подгонят, и поедем.

Какие-то граждане начальственного и подначальственного вида забежали, сбивая толпу отъезжающих в подобие строя, после чего проверили всех по списку и раздали загранпаспорта. В разгар процесса на территорию лагеря один за другим заехали четыре старых, обшарпанных автобуса. Убывающие в «песочницу», вполуха выслушав несколько инструктажей, рассосались по многое повидавшим на своём веку средствам передвижения, и те двинулись на выезд.

– Я хату покинул, пошёл воевать, чтоб землю суннитов шиитам отдать. – продекламировал вполголоса Интеллигент, вызвав смехи у нескольких оказавшихся поблизости кандидатов и осуждающий взгляд Байрамукова. Тот, как выяснилось во время бесед в очередях, происходил откуда-то из Кабарды и, видимо, к исламу относился не совсем уж наплевательски. Хотя, как следовало из тех же бесед, бухать это ему не мешало.

– Так, всё, хорош прохладиться. – Вагай, прибежавший откуда-то с папкой в руках, прервал блаженное ничегонеделание. – Заходим внутрь, строиться перед отделом кадров в одну шеренгу.

У кадровиков не происходило ничего особо интересного (ФИО, давай документы, распишись тут и здесь), за исключением выдачи жетонов. Материальное подтверждение того, что они теперь не просто так, а ого-го, было всеми встречено с неподдельным воодушевлением.

Гриша, повертев в пальцах маленькую металлическую пластину с выбитым ней номером «М-3756», повернулся к товарищам:

– У вас какие номера?

– Тридцать семь пятьдесят один. – Марат потряс зажатой в кулаке цепочкой с жетоном. – Цепочка – говно. Надо нормальную сделать.

Все, включая не относящихся к их троице, дружно кивнули. Один из документов, в ознаменовании с которым кадровики заставили расписаться, устанавливал штраф за утерю жетона в пятьдесят тысяч рублей, плюс ещё пятёрку как компенсацию стоимости изготовления дубликата.

– Если до отъезда в город выберемся – надо будет дубликат сразу сделать. – Антон, продемонстрировав друзьям выбитые на его жетоне «М-3762», подал рацпредложение, вызвавшее новый шквал одобрительных кивков. – Пятьдесят тыров¹⁰ как-то неохота терять.

Кадровиков все прошли довольно быстро, и народ столпился на улице у входа, дымя никотином и ловя проскальзывающие между тучами солнечные лучи. Вагай с Туером куда-то запропастились, и появились лишь через полчаса.

– Так, значит, через пятнадцать минут обед. В четырнадцать тридцать построение перед фильтром, пойдёте на мандатную комиссию. – Вагай строго посмотрел на толпу, выискивая взглядом хрюкнувшего при слове «мандатная», но не нашёл и продолжил. – На построение не опаздывать. Разойтись!

Кандидаты (уже почти что перешедшие в более постоянный статус) побрели в кубрик, где обнаружили с десяток новоприбывших. Те, разумеется, немедленно засыпали «старичков» вопросами. Наблюдая за ответами, некоторых, прибывших только вчера, легко можно было принять их за умудрённых опытом ветеранов, которые, как минимум, дважды взяли Пальмиру и лично спасли федеральную артиллерию под Ханассером, когда доблестный российский генерал загнал её прямо в центр позиций «бородатых» без пехотного прикрытия.

После отъезда полутора сотен человек в «песочницу» лагерь ощутимо опустел, а после обеда начальство, от крупного до мелкого, и вовсе ручейком потянулось на выход, явно считая свой долг перед Рейхом и Фюрером выполненным на сегодня.

На членов мандатной комиссии, однако же, эта расслабленность не распространилась – после обеда Вагай в очередной раз построил кандидатов и, с написанным на лице большими буквами «наконец-то я от вас сейчас избавлюсь» повёл их на штурм последней высоты.

* * *

– Позывной, личный номер? – председатель комиссии, сурового вида мужик под полтинник, хмуро посмотрел на зашедшего в кабинет Петренко.

¹⁰ «Тыр» – тысяча рублей (жарг.)

– Морлок, тридцать семь пятьдесят шесть.

Председатель и сидящие по бокам члены комиссии (видимо, представители подразделений) зашуршали бумагами.

– Ага. – председатель нашёл искомое. – А чего бегаешь хреново так? Молодой же ещё.

Гриша смущённо развёл руками:

– Да что-то не тренировался давно. И курю много...

Председатель вновь заглянул в бумаги.

– Инженер-электрик... участвовал на Донбассе... Стилос, пригодится тебе?

Средних лет мужик с грубоватым, но умным лицом молча кивнул. Председатель вновь перевёл взгляд на Петренко.

– Идёшь в отряд «Эр».¹¹ Кем именно – там уже определитесь, на месте. Следующий.

Гриша вышел в коридор, в кабинет заскочил очередной кандидат, а крепыш шагнул к друзьям.

– Ну, чего? – нетерпеливо спросил Валеев.

– Сказали, в «Эр». Кто у них там командир вообще, в курсе?

– У меня земляк там, как раз. – всезнающий Байрамуков уже нарисовался за спиной. –

Командир у них – Афоня. Нормальный мужик. Они там сейчас, в Сирии.

Гриша почесал в затылке:

– Ну, не все, значит. Там Стилос какой-то в кабинете, он из ихних, я так понял.

Кавказец кивнул:

– Да, он взводник там.

Тем временем, подходила очередь Шарьина, и он переместился поближе к заветной двери. Долго ждать не пришлось.

– Интеллигент, тридцать семь шестьдесят два.

Шорох бумаги.

– Образование высшее экономическое... ОБД¹² есть... с компьютером как, дружишь? – поднял взгляд председатель.

– Ну... не хакер, а так дружу.

– Есть помидоры люблю, а так нет... – тихо, но отчётливо пробормотал упитанный лысый мужик в правом углу. Несколько человек хмыкнули.

Председатель повернулся к жилистому, с заметной сединой мужику:

– Что, пригодится он тебе на связи?

Седой скептически пожевал губу:

– Мм... да нет, наверное. Не технарь же. А «Ворд» с «Экселем» мне на хрен не нужны, и так все умеют.

Судя по завистливым вздохам собравшихся, в их подразделениях с компьютерной грамотностью всё обстояло куда менее радужно. Лысый шутник проявил инициативу первым:

– Считаешь хорошо?

– Да. – Антон решил отвечать по возможности односложно, быть мишенью коллективных подколок он всегда терпеть не мог.

Лысый толстяк и председатель обменялись взглядами, глава комиссии задумчиво цокнул языком.

– Хорошо. В артиллерию пойдёшь. Там вычислители нужны, вот и будешь на свежем воздухе считать.

Шарьин молча кивнул и повернулся к двери.

¹¹ Автор напоминает, что книга является художественной

¹² Опыт боевых действий

Григорий заметно огорчился, что товарищ попал в другое подразделение. Толстый и вечно потный Абрикосов, также угодивший в штурмовой отряд «Эр», в качестве боевого товарища прельщал не слишком.

Настал черёд Валеева.

– Марат, тридцать семь пятьдесят один.

Шорох бумаги.

– Ага, ещё один с компами дружит... – председатель взглянул было на толстого артиллериста, но представитель отряда «Эр» того опередил:

– Он пулемётчиком на Донбассе был! Мне пулемётчики нужны, как раз! На чём работал? – он перевёл взгляд на Валеева.

– На «Корде».¹³

– О! – спрашивавший удовлетворённо хлопнул в ладоши. – То, что доктор прописал!

Председатель пожал плечами:

– Ладно. Идешь в отряд «Эр», пулемётчиком. Следующий!

Тот факт, что в один отряд они не попали, троицу, разумеется, не порадовал. Но, по крайней мере, двое будут вместе. После распределения бывшие кандидаты, а ныне полноправные псы войны и дикие гуси отправились за вещами на фильтр, откуда рассосались по подразделениям, сопровождаемые завистливыми взглядами новичков.

Уже покидая кубрик, Шарьин услышал, как один из только что прибывших вслух читает вопросы анкеты:

– Находитесь ли вы в федеральном розыске? Если да – за что? – чуть раскосый, приклатённого вида мужик непритворно задумался.

– Напиши «надеюсь, что нет». – посоветовал Антон и вышел.

* * *

– Тут у нас штаб, где я сп... э-э... работаю. – лысый артиллерист с позывным Баламут жизнерадостно хохотнул. – Потому что я евовный начальник. Это не наш кубрик, здесь «кроты» живут.

Он ткнул толстым, коротким пальцем в дверь с напечатанной на А-4 табличкой «Не входить! Мины!».

– А наш во-о-он тот, дальше и налево. О, на ловца и зверь... Взводный!

Выглянувший из «во-о-он того» кубрика мужик лет тридцати понял, что незаметно спрятаться обратно не выйдет, вздохнул и побрёл в сторону начальства.

– Яш, вот, доблестное пополнение в количестве пяти голов. Покажи им, что и как. – НШ артдивизиона обернулся к новичкам. – Это Джейк, он тут второй человек после меня. Все его приказания выполнять беспрекословно, под страхом немедленной и мучительной трудотерапии. Вопросы?

Вопросов (вернее, дураков их задавать) не оказалось, так что Баламут солидно икнул и с отчётливо читающимся на лице чувством выполненного долга исчез за дверью своей вотины.

– Здорово, мужики! – Джейк гостеприимным жестом предложил пополнению не маячит под дверью, а идти в кубрик. – Сейчас я вас в кубрике перепису всех, а пока смотрите. Вот туалет и умывальник. Вот душевая. Убираем по очереди с «кротами», через день. Ну если кто видит, что насвинячил, за собой убрать сразу надо. Коридор каждый вечер моем, перед отбоем. Мы дальнюю половину, «кроты» ближнюю. Кто что убирает – распределяет старшина, с ним не пререкаться. Сказал – сделали. Вот бытовка – то же самое. Там ещё машинка есть, можете

¹³ «Корд» – российский крупнокалиберный пулемёт под патрон 12,7×108 мм

стираться, кому надо. Насчёт курения – курилка внизу, у входа. Кто спалится¹⁴ начальству тут, наверху – не обижайтесь потом.

На втором этаже той же казармы, в которой размещался фильтр, и правда было значительно чище, нежели внизу. Сказывались то ли отличия переменного контингента от постоянного, то ли работа командования в этом направлении, то ли оба фактора сразу.

– В кубрике мы в уличной обуви не ходим. – продолжил Джейк, показывая на длинную самодельную подставку вдоль стены, уставленную берцами и кроссовками. – Переобулись здесь, зашли. Ну, за этим старшина смотрит, он звиздюлей навешает, если что. Наши кубрики – вот эти два, напротив друг друга. Но народу пока мало, так что все живём в левом. Перестанем помещаться – откроем второй.

Обитаемый кубрик оказался заполнен примерно на треть, с прибытием пятерых новичков – наполовину. Стандартные двухъярусные койки армейского образца, телевизор у одной из стен, возле него – заставленный консервами, печеньем и прочей подобной всячестью стол. Застарелый, въевшийся запах курева подсказывал, что запрет соблюдается не слишком строго.

– Так, новички, все сюда подошли! Записывать вас буду!

Старшина, молодой спортивный осетин с позывным Алик, явно придавал своей временной должности преувеличенный статус. Ну, кавказцам в целом свойственен понт, от этого никуда не деться. Главное, не позволять им на голову садиться.

– Значит, позывной, ФИО, размеры – головы, одежды, обуви. Сейчас постельное сходим получим, а завтра – форму. Давай-давай, подходим, не тупим.

Всех посчитали и переписали, после чего Алик, прихватив с собой Юща (любитель поболтать Ющук какого-то выдающегося креатива по части выбора позывного не продемонстрировал) отправился за постельным бельём, а остальные принялись потихоньку обустриваться.

Антон выбрал место на втором ярусе, зато у окна – по крайней мере, можно надеяться не задохнуться от табачного дыма.

Окружающие особых поползновений к знакомству не проявляли, так что Антон, дождавшись прибытия постельного белья, застелил койку и растянулся на ней, погрузившись в глубины Интернета. Благо, телефоны и планшеты всем вернули, не забыв предупредить о неразглашении всего. Или «о неразглашении ничего»? В общем, о неразглашении.

* * *

– ...короче, подзаипались. – Гриша, вопреки крикам толстого армянина захвативший со стойки сразу три стакана с компотом, лихо выдул один из них. – Фуф... а у вас там в арте что?

Антон пожал плечами:

– Да ни фиги. На койке валялся, в Инете лазил.

Валеев и Петренко дружно вздохнули с нескрываемой завистью. Их, вместе с прочим пополнением, сразу по прибытию в казарму погнали на полигон (до которого, между прочим, не так уж близко), отрабатывать прохождение штурмовой полосы. Вернулись за пять минут до ужина, грязные по уши и пропотевшие насквозь. Вид Шарьина, явно успевшего не только полазить в Сети, но ещё и вздремнуть, отчётливо демонстрировал, что боги войны значительно опережают царицу полей по уровню комфорта.

– А народ у вас как? – любопытствовал Марат. Ответом было новое пожатие плечами:

– Да хрен его знает. Не познакомился толком ещё. Командир вроде нормальный, с юмором. Старшина хачик, выёжистый, походу. Но посмотрим...

Пехотинцы синхронно кивнули:

¹⁴ Попадётся (жарг.)

– У нас старшина тоже... пальцы веером, сопلي пузырями. Но два «старичка» есть, они говорят – фигня это всё. В песочницу прилетим, там неважно будет, кто кем здесь был. Всё по новой.

– Что там кстати, трассера есть, когда летим? – заинтересовался Антон.

– А... – Петренко пренебрежительно махнул вторым опустошённым стаканом. – То ли дождик, то ли снег, то ли будет, то ли нет. Говорят раз в неделю, по вторникам борта летают. А попадём на следующий или нет – чёрт его знает. Некоторые сразу улетают, а некоторые по месяцу сидят. От чего зависит – хэ-зэ.

– Ну да, у нас такая же ерунда. – новоиспечённый артиллерист кивнул, оторвал половину от кусочка колбасы и опустил вниз. Пользуясь тем, что могучий Гитлер обходил дозором какие-то дальние рубежи своего Лебенсраума, четырёхцветная кошка схватила угощение и потрусилась прочь, осторожно неся раздувшиеся от потомства бока.

– Отмечать будете сегодня? – Гриша, уже неспешно, допил третий компот.

– Да вроде что-то такое говорили. – особого энтузиазма в голосе Антона не проскользнуло. Не то, чтоб он был трезвенником, отнюдь, но «тёплую водку из горла украдкой» в его понимание «отмечать» не вписывалось от слова совсем. С другой стороны – в коллектив-то один чёрт нужно вливаться. – А у вас?

Два энергичных кивка.

– Угу. Уже заслали кабанчика, пока все на ужине.

– Куда?

– В деревню. Там прямо за мостом магазин есть, пацаны говорят.

– Ясно... – Шарьин хотел было добавить «не попадитесь только», но не стал. Он в последнее время увлёкся литературой по психологии, с пылом неопита найдя у себя кучу багов, одним из которых был «Штурман», и теперь старался со всем этим бороться. Получалось с переменным успехом.

* * *

Почти все наличествующие на базе артиллеристы столпились в курилке у входа в казарму, всего в нескольких метрах от КПП. Тёплые лучи заходящего солнышка настойчиво пробивались сквозь клубы табачного дыма.

– А что есть-то? – Джейк понизил голос. Хотя начальник штаба уже уехал, и он теперь остался старшим в артдивизионе, особых иллюзий по этому поводу бывший морпех не питал – он тут никто и звать его никак, а желающих проинформировать всамделишное начальство о любых нарушениях в Конторе хватает.

– Она, родимая. Что ж ещё? – Иргиз, мелкий и жилистый заряжающий «Града», один из двух наличествующих «старичков», мечтательно причмокнул губами. Джейк, впрочем, его восторгов не разделял.

– Мм... может, за пивом сходим?

Несколько человек выразили согласие одобрительным угуканьем, но добровольцем в поход никто не вызвался. Джейк обвёл взглядом временных подчинённых.

– Ну что, сходит кто? Скинемся, кто пиво будет...

Присутствующие молча потупились.

– Один не пойду, за компанию с кем-то – можно. – Шарьин, стоящий чуть в стороне от толпы курильщиков, подал голос.

Джейк с возродившейся надеждой посмотрел на постепенно рассасывающуюся толпу:

– Пацаны, кто ещё пойдёт? Тут идти-то полтора километра, не больше.

– Это полтора туда. – Иргиз, для пущей наглядности, ткнул пальцем в сторону деревни. – А потом-то ещё полтора сюда! – Новый жест, теперь в обратную сторону. – Не, мне и с водочкой хорошо.

– Не кричи, блин. У стен есть уши, плаката не видел, что ли? – старший по расположению перевёл взгляд на Антона. – Что, братан, сходишь один тогда?

Шарьин ухмыльнулся:

– Разрешите бегом? – Он помотал головой. – Не. Я ж говорю – за компанию схожу, развеяться, а одному лень.

Людей вокруг стало ещё меньше, все постепенно докуривали и поднимались наверх, к телевизору. Джейк, проводив взглядом очередного «дезертира», печально вздохнул:

– Ну, пойдём тогда? Можно там и оприходовать тогда, чтоб тут не палиться лишний раз. Раз никто идти не хочет – пусть без пива сидят.

– Добро. – кивнул Антон.

Дежурный по КПП, проверив наличие жетонов, никаких дополнительных вопросов задавать не стал. В принципе, нужно быть очень наивным человеком, чтобы не понимать, куда разбегается личный состав вечером после убийства начальства. Но у всех есть железная отмазка «спортом пойду позанимаюсь», и возразить что-либо на это трудно, форму людям надо поддерживать. На войну скоро, как-никак. Попадётся кто-то – другой вопрос, но пока что ничего зловещего не происходит.

Двое потенциальных нарушителей распорядка неспешно побрели по грунтовке, потихоньку разговариваясь. Джейк (которого, вообще-то, звали Яшей, и был он из Севастополя) к артиллерии отношение действительно имел, в отличие от большей части своих нынешних сослуживцев. На войне, правда, не бывал, зато успел отслужить в морской пехоте сначала по призыву, а затем и контрактником – командиром «Гвоздики».¹⁵

– И что, нормально платят за «копирайтинг» этот? – род занятий Интеллекта артиллериста нешуточно удивил.

Антон развёл руками:

– Ну, на жизнь хватает, не голодал. Но на квартиру, например, заработать – без вариантов. У меня, по крайней мере. К счастью, мировой терроризм сам себя не победит...

Вообще-то, на жизнь в последнее время ему тоже не сказать, чтоб хватало, в результате чего приходилось заниматься разными мутными делами, иногда довольно далеко заходящими за грань откровенного криминала. Но делиться такими подробностями со случайным собеседником хорошей идеей не выглядело. Понятно, что тут каждый пятый сидел, но, всё-таки...

– Это да. – согласился Яша. – Главное, несгораемую сумму не выиграть.

Дойдя до магазина в деревне, они взяли по полторашке разливного пива, пару пачек китайских «кальмарных колец» и расположились в беседке неподалёку.

– А ты давно в москвичи-то заделался? – Джейка, в темпе истребившего треть полторашки, потянуло на поговорить. – С Харькова же сам, говоришь?

– Давно, почти сразу после универа. – Антон зажевал пару колец, поморщился от яркого химического привкуса и смыл всё вниз хорошим глотком пива. – Гражданство ещё в девятом году получил. Пиво ничего так, а кальмары – говно китайское.

– Ага. – Джейк согласился, одновременно закидывая в рот пару колец. – И как у вас там в Харькове, со всем этим, что происходит?

Он сделал неопределённый жест. Антон скорчил задумчивую гримасу:

– Да как-как... Хреново, как ещё. В четырнадцатом просрали, что уж теперь. А у вас в Сёвасе что?

¹⁵ 2С1 «Гвоздика» – советская 122-мм самоходная гаубица

– Ну, нормально, вообще. Бурные восторги поутихли, но назад никто не хочет. Рады, что так вышло.

– Вовчика любят, поди? – ирония в голосе бывшего харьковчанина была нескрываемой. Севастополец чуть смутился:

– Ну, не то, чтоб прям вот любят... но хорошо относятся в основном, да.

Антон хмыкнул, но ничего не ответил, сосредоточившись на пиве. Джейк, не дождавшись ответа, с некоторым вызовом продолжил:

– Нет, ну а что? Он же Крым присоединил? Присоединил!

– Угу. – Шарьин сделал ещё глоток. – Смертельный номер, тройной прыжок через пропасть, исполняется единожды.

Политический спор как-то угас, так толком и не начавшись, а вскоре закончилось и пиво.

– Что, ещё по одной? – душа черноморца требовала продолжения банкета. Антон скептически поморщился:

– Да хорош, наверное. Спалимся ещё. На контейнер как-то неохота.

Джейк помотал головой:

– Не, на контейнер за пьянку «старичков» отправляют. А молодых, кто ещё ни в одной командировке не был – просто пинком под зад.

– Ну, тем более.

Собутельник настаивать не стал, и они потихоньку побрели обратно.

* * *

– Да, всё нормально. Взяли.

...

– Слушай, ну тут такое не обсуждают по телефону. Нормально.

...

– Точно не известно. Говорят, через неделю, наверное.

...

– Да хрен его знает. Месяца на три точно, а там как скажут.

...

– Ага. Слушай, Надька там перед первым сентября придёт – подкинешь ей лавэ? Двадцатку, а? Я отдам, как приеду. Ей же Юльку в школу собирать....

...

– Всё, спасибо! Ладно, брат, давай.

Марат отключился и убрал телефон в карман. Первый звонок он сделал на работу, с чувством глубочайшего удовлетворения сообщив Араму Суреновичу, чтобы тот искал себе нового менеджера по продажам. Вредный армянин любил громко и публично совокуплять сотрудников прямо в мозг, попутно доводя им свою (крайне низкую, разумеется) оценку их способностей, а заодно штрафуя и урезая премии по малейшему поводу, либо вовсе без такового. Марату как человеку вспыльчивому и с обострённым чувством справедливости, приходилось особенно тяжело. По крайней мере, так он считал, посему послание ненавистного начальника в пешее эротическое путешествие было одним из самых приятных моментов в жизни Валеева за последний год.

Из снимаемой в Жулебино однушки он съехал ещё перед тем, как отправиться сюда – квартира была старой, порядком «убитой» и неудобно расположенной, так что менять её Марат планировал в любом случае. В общем, толстой пожилой абхазке, у которой таких конур в ЮВАО имелось десятка полтора, можно было не звонить.

Третий звонок был живущему в Рязани брату. Во-первых, надо было сообщить, что и как, во-вторых, позаботиться о дочке. Надька, его бывшая, тёплых чувств особых не вызывает, но дочку Марат любил. А собрать ребёнка в шко...

– Позывной, номер жетона, подразделение!

– А? – встряхнувшись от мыслей, Валеев обернулся к внезапно прозвучавшему со спины голосу.

– Позывной, номер жетона, подразделение? – повторил, не особо пряча издевательскую ухмылку, давешний эсбэшник-армянин.

«И тут армяне. Что ж мне с ними не везёт-то так?» отвлечённо подумал Марат, пытаясь отогнать неприятное предчувствие.

– Марат, тридцать семь пятьдесят один, шэ-о «Эр».

Особист удовлетворённо кивнул.

– Ну, пойдём.

– Куда?

Ухмылка стала шире.

– На контейнер, куда ж ещё? «Трубу» давай.

– А что я сделал? – Марат не спешил отдавать телефон. – В чём проблема-то?

– Во-первых, ты рассказал по открытым каналам связи, что работаешь в Конторе. Во-вторых, по ним же сказал, когда планируется следующий борт. В-третьих, ты ещё и нажрался, за километр от тебя прёт.

Марат сжал кулаки. Всё это, разумеется, было полнейшей чушью. Всё, что он успел сказать по телефону, тут точно так же говорил каждый второй, а каждый первый ещё больше. Насчёт же «нажрался» – грамм сто тёплой, нагретой за день водки он действительно попустил с пацанами в кубрике, но, опять же, «с запахом» сейчас на территории был каждый второй, как минимум. Что ещё делать сотне взрослых мужиков, которым нечем заняться?

Но Валеев прекрасно понимал, что ничего из вышеперечисленного оправданием ему не послужит, если затаивший злобу эсбэшник решит пойти на принцип. Подавив желание перемякнуть уроду с ноги в голову, Марат попробовал найти компромисс:

– Слушай, ну...

– Телефон, блять, сюда! – эсбэшник вдруг с места в карьер перешёл на крик. Со стороны КПП, привлечённый шумом, подошёл охранник, болтавший о чём-то с дежурным.

– Помощь нужна? – здоровенный жлоб с дубинкой, кобурой и наручниками предлагал помощь явно не Валееву.

– По-хорошему пойдёшь, или по-плохому? – осведомился армянин, протягивая руку. – Телефон сюда!

Мысленно сплюнув, Марат отдал телефон.

– Вот, хороший мальчик. Теперь шагом марш за мной.

Под конвоем грозно сопящего за спиной охранника, Валеев проследовал в расположение эсбэшников, где его водворили в контейнер и закрыли дверь. Наручниками, правда, приковывать не стали, и то хлеб.

* * *

Антон вздохнул и попробовал зайти с другой стороны:

– Слушай, а если такой вариант – с первой зарплаты он тебе половину отдаёт. Нормально?

Переполюбовавшийся Гриша прибежал с криками «всё пропало!» полчаса назад, и вот уже пятнадцать минут Шарьин вёл правильную «осаду», пытаясь убедить особиста отпустить Марата и не фиксировать всё в официальных бумагах. Получалось пока не очень – на увеще-

вания «быть человеком» армянин поддавался плохо. Новый подход, основанный на материальном стимулировании, вызвал куда больший интерес.

Впрочем, армянин отсутствием аппетита не страдал:

– Не, ну это не серьёзно. За ним сразу два косяка, тут за каждый из таких люди вылетают со свистом...

Шарьин вновь вздохнул, но говорить ничего не стал, демонстрируя мимикой, что мяч не на его половине поля. Эсбэшник задумчиво поковырялся в носу и решился:

– Вся первая зарплата. Я скажу, на кого доверенность написать – есть тут в Молькино одна... До утра посидит, утром выпущу. Меньше выёживаться будет.

– Добро. – кивнул Антон. – Я с ним поговорю сейчас?

– Давай. Недолго только.

Отперев дверь контейнера, эсбэшник отошёл немного в сторону, демонстративно отбив пальцами дробь по кобуре с пистолетом. Антон всмотрелся в вонючую темноту внутри железного ящика – кажется, что-то шевелилось.

– Братан, ты как?

– Да ничего. – хмуро прозвучало из темноты. – Что там?

Шарьин, понизив голос, объяснил суть достигнутых договорённостей. В восторг Валеев не пришёл, но согласился, что это лучше, чем вылететь за ворота.

– Ладно, что уж, раз так... посижу до утра, завтра напишу доверенность.

– Давай, до завтра тогда. Воды надо, или ещё чего?

– Не, тут есть бутылка. Спасибо, Антох.

Эсбэшник подошёл поближе, дверь со скрежетом захлопнулась. Скупно попрощавшись с армянином, Антон вышел за калитку в ограждавшем эсбэшный «остров» заборе, где его терпеливо дожидался Петренко.

– Ну, что там?

– Да вроде как замяли – до утра посидит, утром выпустят. Зарплату первую отдаст.

– Суки! – яростно сплюнул Гриша.

– Ага. Но лучше так, чем никак. – развёл руками Антон. – Ладно, пора по норам. Насчёт зарплаты никому только. Старший ваш будет спрашивать – скажи, по телефону лишнее сболтнул, эсбэшники слышали и до утра на контейнер посадили, для науки.

– Да понял, понял. – пробормотал в ответ Григорий. – Не дурной.

С неба вновь начали падать тёплые капли дождя, быстро набирая темп, и друзья поспешили разойтись по казармам.

II

– Ну, что, давай... – Антон, излучая неловкость, протянул руку. Марат, демонстративно задумавшись на пару секунд, её всё-таки пожал.

Гриша, уткнувшийся взглядом в землю, пробубнил что-то в духе «что ни делается, всё к лучшему», чем вызвал у блондина гримасу нескрываемого раздражения и засмутился окончательно. Рукопожатие, впрочем, состоялось и тут.

Валеев закинул на спину рюкзак, вышел через КПП и, не оглядываясь, побрёл по грунтовке в сторону трассы на Краснодар. Его друзья, оставшиеся позади, переглянулись и синхронно вздохнули. Как-то на редкость неудачно всё получилось. С другой стороны, а что они могли сделать? Разве что уйти вместе с товарищем. Оно, конечно, «по-пацански», только глупо как-то. Марат, правда, так не считал, и явно обиделся, но все уже большие мальчики – переживёт.

– Морлок! – командирский голос, прозвучавший от выхода из казармы ШО¹⁶ «Эр», заставил Петренко встряхнуться. – Ты хера там статуё Лота изображаешь? Давай в строй!

Вообще, в оригинале речь шла о Лотовой жене, но момент выказывать свою эрудицию был явно неподходящим. Стилос, при всех его положительных качествах, не оценил бы. Так что Григорий поспешил присоединиться к группе в дюжину человек, отправляющихся на тактическое поле.

– Чего там, братан, с корешем-то твоим случилось? Я думал, скруглили углы? – Егор, тоже попавший в артиллерию, с удовольствием пыхтел послезавтраковой (или послезавтрочной?) сигаретой.

Антон тяжело вздохнул:

– Да блин, с самого утра начальство какое-то припёрлось, проверило контейнер, ну и начал шашкой махать.

– Ясно. А этот... дитя солнечного Закавказья, хули?

– А хули он... – махнул в ответ рукой Шарьин.

– Ясно. – повторил Егор (выбравший, кстати, позывной «Косотур», но все продолжали звать его по имени). – Там, вроде как, занятия какие-то планируются.

– Ну, хорошо. – Антон удовлетворённо кивнул. – А то я лично в артиллерии «не алё», от слова совсем. А ты, кстати?

Егор неуверенно хмыкнул:

– Если тридцатимиллиметровку считать за арту... я ж по контракту в «песочнице» был, ещё летом пятнадцатого. Командиром «бэхи».

– В смысле? – не понял Антон. – От федералов что ли? Они там уже в пятнадцатом были?

– Угу. – Егор особого рвения поведать о ратных подвигах не испытывал и, похоже, вообще уже жалел, что сболтнул лишнее.

– И что, как там?

– Да ничего... – пожатие плечами. – Жарко, грязно, апельсины и прочая гадость. Мы почти всё время в Химках стояли, охраняли. На боевые выезжали пару раз всего.

– В Химках?..

– В Хмеймиме.¹⁷

Сверху стали спускаться остальные служители богов войны, и разговор завял.

Баламут, выпускающий лёгкое перегарное амбре, огляделся вокруг:

– Буссольщик кто у нас?

¹⁶ Штурмовой отряд

¹⁷ Главная российская военная база в Сирии

Недоумённое лупанье глазами было ему ответом.

– Блин. Топогеодезисты, вычислители?

Две поднятых руки, одна из которых принадлежала Антону.

– Вот! – обрадовался эн-ша. – Звиздуйте наверх, в штаб, понесёте буссоль и Пу-О!

Шарьин и второй парень, молодой, худой и невысокий, с явной «чуматаринкой»,¹⁸ пошли наверх.

– Ты знаешь, как вся эта хрень выглядит? – поинтересовался Антон вполголоса. «Напарник» посмотрел в ответ с явным пренебрежением:

– Конечно. А ты что, не знаешь, что ли?

Тон ответа Шарьину не понравился, но он решил, что для обострения не время:

– Ну, если б знал, чего бы спрашивал? Я в arte не служил раньше.

«Молодой» хмыкнул:

– А чего тебя назначили? Я-то и корректировщиком был, и вычислителем.

– Да я откуда знаю? – Антон развёл руками. – Назначили и назначили. Пути начальственные неисповедимы.

«Чуматарёнок» неодобрительно покрутил носом, вызвав у Антона сильное желание по этому самому носу его пару раз приложить. Увы, воплощать эту мысль в жизнь явно не стоило.

Буссоль,¹⁹ которую понёс Шарьин, оказалась сравнительно небольшим оптическим прибором с кучей шкал, рычажков и барабанов, а также парой непонятных отдельных приспособб. Ко всему этому прилагалась металлическая тренога.

Таинственный «Пу-О», несомый молодым напарником, выглядел как обычный небольшой чемодан, только металлический.

Баламут стоял у лагерного «чипка»,²⁰ беседуя с каким-то мужиком начальственного облика, а остальная группа, под руководством Джейка, бодро топала по дороге в сторону тактического поля. Начальник штаба жестом показал «догоняйте их», так что пришлось поднажать, таща нелёгкие железяки и стараясь их при этом не сильно трясти – оптика и точная механика, как-никак.

* * *

Гриша перемахнул через стенку и довольно ловко, на собственный взгляд, приземлился, спружинив ногами. Впечатление чуть испортил автомат – проклятая железяка чувствительно приложила хозяина по спине. Что самое обидное – фактически это был массогабаритный макет, функцию стрельбы кто-то наглухо отключил с помощью простого набора инструментов.

– Вперёд-вперёд! – инструктор энергично махнул стеклом.

С этим самым стеклом и в дорогих солнцезащитных очках он явно косил под героя какого-то западного боевика, но дело своё мужик явно знал туго, это полтора десятка вспотевших новобранцев уже успели оценить.

Петренко запрыгал через полосу вкопанных до половины в землю автомобильных шин.

– Ноги выше поднимай! Выше!

Преодолев полосу, запыхавшийся Гриша пробежал по подвешенному на канатах бревну и, надсадно хрипя, согнулся на финише, упёршись руками в колени.

¹⁸ Чуматары – чуваша, мордва, татары

¹⁹ Артиллерийская буссоль – прибор, применяемый в артиллерии для определения магнитных азимутов и дирекционных углов, ориентирования орудий, измерения расстояния, засечки целей, наблюдения и разведки

²⁰ «Чипок» – магазин или кафе на территории воинской части, обычно Военторг (жарг.)

– Нормально, в общем. Но дышалку надо тренировать. – инструктор потерял интерес к Петренко и махнул рукой очередному новичку. – Следующий!

Григорий чуть отдышался и побрёл к уже отмучавшимся, сгрудившимся в тенёчке чуть поодаль. Качалка дважды в неделю давала ему кое-какие преимущества по сравнению с большей частью сослуживцев, но сытная домашняя кормёжка крайних лет и пачка сигарет в день сказывались.

На самом деле, не сказать, что нагрузки были такими уж запредельными. Собственно, если по-хорошему, для подготовки к войне они представлялись совершенно недостаточными. Но война где-то там, далеко, а здесь и сейчас потеть никому особо не хотелось, так что все с завистью косились на полузаброшенный учебный корпус через дорогу, куда полчаса назад лениво пробрели артиллеристы.

– ...тоже не дураки, Сталинград устраивать. – Стилос, чувствующий себя комфортно в окружении с интересом внимающих новобранцев, ронял фразы солидно, веско и неторопливо. – На укрепе обычно три-четыре духа, может и вообще один, а позиций нарыто – на роту. Копать они любят и умеют.

Гриша присоединился к кругу слушателей. Командир взвода из их отряда, оставленный специально для набора пополнения, уже отбыл две командировки в «песочнице» и послушать его стоило.

– ...основные силы, если они вообще есть, сидят подальше, в укрытиях. Мы долбим укреп сначала, потом идём на штурм. И в этот момент они как раз сами туда заходят, и ловят нас – либо когда мы ещё на подходе, либо когда только-только вошли, кругом бардак, не укрепились ещё. Тактиковать они умеют, дураками не надо считать.

– А смертников правда полно там? – последовал «вопрос из зала».

– Есть, да. – комвзвода утвердительно поскрёб щетину на подбородке. – И «шахидки» есть – это машины минированные, и просто многие в атаку в поясах идут. Если видят шанс – взрываются, чтоб кого-то из наших с собой забрать.

– А от чего потери основные? От арты? – Морлок, помнящий Донбасс, высказал логичное предположение.

– От долбоебизма! – отрезал командир. – Долбодятлы лезут, куда не надо, и подрываются. Там среди бородатых такие спецы по части минирования есть, что... короче, не надо никуда лезть, пока вам не скомандовали. Не надо ничего трогать. Не надо никуда наступать в незнакомом месте, если можно без этого обойтись.

– То есть, от подрывов? – практичный Григорий всё-таки уточнил.

– От подрывов много, да. Снайпера бородатые тоже хорошо работают. От арты не так много, на самом деле – и с артой у них не очень, и спецов грамотных мало. Танки они в основном как саушки²¹ используют, а не как мы.

– А как мы? – Абрикосов, потерявший на тактической полосе пару литров пота и грамм сто жира, уже отдышался достаточно для вступления в разговор.

– А мы как большую снайперку, в основном. – ухмыльнулся Стилос. – Когда есть, что использовать.

– У нас в отряде танки есть? – спросил кряжистый, чуть раскосый мужик с позывным «Борзя», ощерившись железными и золотыми коронками.

– Есть. Аж целых один. Ещё один, вроде, до сих пор на Каракуме стоит, никак движок не реанимируют. Но ещё танковая рота есть, там у них с десятков, где-то, коробочек, может больше чуть – когда серьёзный замес идёт, они участвуют.

Инструктор, прогнав через полосу последнего бедолагу, подошёл поближе, что не осталось незамеченным Стилосом.

²¹ Самоходная артиллерийская установка

– Что, Серёг, всё?

– Ага. – инструктор махнул стеклом в сторону мишенного поля. – Давай, гони своих туда, посмотрим, насколько они криворукие. Сейчас пару стволов нормальных подвезут.

Стилос легко, одним движением поднялся на ноги. Вокруг, крихтя и тяжело вздыхая, зашевелились расслабившиеся было остальные.

* * *

– ...против хода часовой стрелки, от оси канала ствола, уходящей в тыл. В тыл – значит назад. Это всё для угломера. Кто не понял – встать, идти копать траншею от забора и до обеда. Все поняли? Молодцы.

Баламут, вопреки перегару и разгильдяйской внешности, оказался хорошим преподавателем – довольно-таки сложные (ну, или, по крайней мере, далёкие от повседневно-жизненного или военно-пехотного опыта) вещи он объяснял, что называется, «на пальцах», доходчиво и с юмором. Проблема состояла в том, что подавляющему большинству присутствующих на все эти магнитные азимуты, системы координат и прочие дирекционные углы было совершенно наплевать, что они даже не особо пытались скрыть. Начальник штаба, впрочем, явно придерживался принципа «кому надо – выучит, а кому не надо – и хрен с ним», так что его это не слишком заботило.

– Ладно, суха теория, а обед всё ближе. – Баламут заглянул в список личного состава. – Башкир кто?

Молодой парень, несший на занятия чемодан «Пу-О», поднялся со стула. Ага, вот «чуматаринка» и разъяснилась. Хотя, для башкира как-то славянских черт многовато, они обычно более азиатского типа. Ну да мало ли. Бабушка путалась с водолазом, например.

Насчёт самого «Пу-О», кстати, преподаватель высказался в том духе, что «это прибор управления огнём, но вам он на хрен не нужен, потому что мы им не пользуемся». Зачем в таком случае тощий Башкир нёс металлический ящик три километра (и ещё понесёт обратно) осталось загадкой. Судя по выражению лица «татарчонка» – не слишком приятной, но вслух он выражать недовольство не стал.

– Так, ты ж вычислителем был? На практике работал, или числился только?

– Работал конечно! – Башкира, кажется, искренне обидело предположение, что он мог «просто числиться». – И корректировщиком, и вычислителем! И боевые стрельбы были, я же в Таджикистане на границе слу...

– Ладно, понял. – выслушивать подробности боевого пути новобранца в планы НШ явно не входило. – Давай, сориентируй буссоль по магнитной стрелке.

Башкир подошёл к стоящему у окна треножнику и, на взгляд Шарьина, довольно быстро и уверенно, сориентировал буссоль, сделав для этого три замера, как и рассказывал перед этим преподаватель.

Баламут подошёл поближе.

– Ориентир какой выбрал?

Левый край во-о-он того окопа. – вычислитель ткнул пальцем в окно.

НШ, впрочем, выбор не порадовал:

– Ты что, блин, шутку юмора решил сделать? До него двести метров. Ты б ещё оконную раму за ориентир взял. – Баламут повернулся к классу и назидательно поднял палец. – Запомните – чем дальше находится ориентир – тем лучше. Это раз. Второе – точность в артиллерии достигается однообразием наводки.

Судя по лицам слушателей, мысль осталась недопонятой. Баламут вздохнул и вновь повернулся к Башкиру.

– Ты, когда второй и третий раз ориентировал, как наводку сбивал?

– Э-э...

– Да как левая нога захочет, вот как, я же за тобой следил. А нужно всегда делать это однообразно. Выбери какой-то способ – например, три пол-оборота барабана по часовой, и всегда делай именно так. Тогда и точность будет, какая нужно. Ясно?

– Ясно. – с умным видом кивнул Башкир.

– Садись. – преподаватель снял буссоль с подставки и положил на стол. – Так, кто там у нас ещё... Интеллигент!

– Я! – Антон поднялся с места.

– Давай, оправдывай позывной. Ты ж у нас топогеодезист. Вот и топогеодези́.

Вообще-то, насколько помнил Антон, его собирались назначить вычислителем, а что такое топогеодезист и с чем это едят он не имел ни малейшего представления. Но начальству, как обычно, виднее, так что Шарьин подошёл к буссоли и начал ориентирование.

Установить буссоль шаровой опорой в зажим, прикрутить винт. Выровнять уровень по пузырьку, закрутить винт окончательно. Ослабить зажим магнитной стрелки...

* * *

Двое ментов с нескрываемым подозрением покосились на Марата, но докапываться не стали и побрели дальше по вагону походкой бывалых моряков. Валеев облегчённо выдохнул и, стараясь производить манипуляции как можно незаметнее, пропихнул бутылку под подушку. Плацкарт, конечно, в этом плане неудобен – всё на виду. С другой стороны, с финансами дела обстоят отнюдь не блестяще, не до купе сейчас.

За ментами хлопнула дверь тамбура, и бутылка вермута вновь заняла своё место на столике. Мужичонка напротив, помятый и неказистый, деликатно шмыгнул носом, но напрашиваться в компаньоны не стал и вернулся к сканворду.

Марат приложился к горлышку и сделал хороший глоток. «Крымский белый», созданный, вопреки названию, не в Крыму, а на Кубани, оказался неожиданно хорош. Правда, хорош он был в сильно охлаждённом виде, а сейчас бутылка стала ощутимо теплее, но и так неплохо. Марат отхлебнул ещё, закусил крекером и откинулся назад. Напряжение ощутимо отпустило, мелькающие за окном кубанские пейзажи уже не бесили, а, скорее, настраивали на философский лад.

Обида на друзей тоже подугасла, хотя и не прошла совсем. Нет, понятно, что у всех свои проблемы, и всем нужны деньги, но... он бы, оказавшись на месте Антона и Гриши, шагнул бы за ворота не раздумывая. Без криков восторга, конечно, но и не стал бы канючить и требовать восхищения своей жертвенностью. Дружба, всё-таки, важнее денег.

Ещё минут пять и грамм сто Марат потратил на прорисовку в воображении красивой сцены, в которой он самоотверженно уходит из ЧВК вслед за выгнанными за какой-то залёт друзьями, а они на него смотрят восхищённо и признательно, но затем врождённая практичность победила и мысли перешли в иное русло.

Денег нет. В кармане осталось тысячи полторы, не больше, на карточке ещё десятка. Для Москвы – можно сказать, он нуле. Есть, правда, ещё кредитка от «Тинькоффа» с лимитом в полтинник. Но там комиссия за обналичку, плюс драконовские проценты, так что это вариант на самый крайний случай.

Жилья нет. С квартиры он съехал, вещи в боксе хранения. Собственно, хрен бы с той квартирой, всё равно не нравилась, но на снятие новой нужны деньги, а их...

– ...в продаже имеются чай, кофе, напитки, шоколад...

Молодая проводница прошла мимо, рекламируя наличествующий ассортимент и не забыв с подозрением осмотреть их закуток. Марат, вновь успевший закрыть и спрятать

бутылку, сделал максимально невинное лицо, но, похоже, не убедил. Да и чёрт с ней. Поведись, понимаешь, коситься. На чём там... а, да.

Работы нет. В силу чего, кстати, обостряется пункт «нет денег». Нет, конечно, Москва есть Москва, и какую-то работу там можно найти всегда, но «какую-то» в тридцать два года уже не очень хочется, а хочется нормальную.

В принципе, есть вариант остановиться у брата на недельку, тот не откажет. Правда, там и так четверо в двухкомнатной квартире, да и мотаться каждый день в Москву далековато, всё-таки. Конечно, это всё можно пережить, но показаться Тимуру на глаза нищим бомжом, сразу после разговора... губы Валеева непроизвольно скривились при одной мысли об этом.

– Что, не очень?

– А? – вопрос, заданный соседом, выдернул Марата обратно в реальность.

– Вермут не очень? – мужичонка кивнул на бутылку.

Марат пожал плечами:

– Да нет, нормальный. Попробуешь? – он кивнул на классический стакан в подстаканнике, надеясь маленьким подношением отвязаться от нежелательного собеседника.

Мужичонка оживился и проворно вытащил из стакана чайный пакетик:

– С удовольствием, благодарю!

Валеев набулькал ему треть стакана и попытался вернуться к размышлениям, но попутчик воспринял дар как приглашение к общению и отложил сканворд в сторону.

– О, а и правда ничего так! Дима! Я из Хадыженска сам, на стройку вот еду работать. – он протянул руку через столик.

– Марат! – Валеев ответил на рукопожатие с внутренним вздохом. – В Москве работаю. А так из Рязани.

Послать его, что ли? Неудобно как-то. Да и впереди ещё сутки, подумать о будущем ещё успеется.

* * *

Гриша отжался в последний раз и прыгнул с брусьев. Мышцы приятно гудели от нагрузки. Теперь ещё на пресс три подхода, и хорош на сегодня.

Порядком обветшавший спортгородок, доставшийся Конторе от «десятки», пользовался популярностью. Не чрезмерной, но полторы дюжины любителей спортивных нагрузок перед ужином оккупировали снаряды и, в меру сил и умения, повышали физическую немошь.

Из отстоящих метров на сто ворот лагеря показалась длинная фигура Антона. Тот о спорте тоже пытался не забывать, но, на взгляд Гриши, безбожно филонил – если у Петренко на занятия уходило часа полтора, то Шарьин редко не укладывался в двадцать минут. Ну, зато и результаты соответствующие, довольно подумал Гриша и поиграл бицепсом.

Друзья сегодня уже пару раз виделись, так что Антон, подойдя ближе, лишь молча кивнул и начал примеряться к перекладине. Крепыша, однако, распирало желание сообщить новости.

– Что, вам сказали, кто во вторник летит?

Шарьин помотал головой:

– Двое только. Говорят, это не чартер будет, а военный борт – мест мало. Через неделю, наверное, отправят. А у вас?

– Все летим! – Гриша без особого успеха постарался сохранить равнодушный тон. – Девятнадцать человек, все, кто с «Эрки» есть.

Антон присвистнул:

– Шустро. Вас же несколько дней всего гоняли. И две трети вообще без ОБД?

Петренко развёл руками – «кому сейчас легко?».

– Я думаю завтра отпроситься, суббота же. И в Краснодаре закупиться всяким разным. Ты как?

– Угу. – Антон кивнул. – У нас без проблем с этим. Поехали.

Парочка собратьев Гриши по пехоте, мучавших турники неподалёку, завистливо хмыкнули – разница между штурмами и артобъёмом явно виделась им не в собственную пользу.

Из ворот показался кинематографической внешности парень лет тридцати и, подставляя солнцу обнажённый атлетический торс, легко и красиво побежал по дороге к лесу.

– А это не тот, который... – Гриша ухмыльнулся и кивнул на удаляющегося «актёра». – Я слышал у вас там...

Он сделал многозначительную паузу. Шарьин вздохнул:

– Чего вы докопались до человека? Нормальный он, вполне адекватный. Два иностранных языка знает, и кэ-мэ-эс по карате, между прочим. Жена, двое детей. В Осетии был в восьмом году. Позывной просто менять не хочет – плохая примета, говорит. Он же не сам его себе придумал – командир роты дал, ещё по сродке.

Молодой тюменец с позывным Принцесса служил мишенью для шуток не только артиллеристов, но и всего лагеря. Относясь к этому, впрочем, достаточно благодушно – привык, наверное. Ну, а пару совсем уж безмозглых «остряков», решивших, что круче них только яйца и можно распустить руки, он довольно жёстко приземлил мордами в гравий, на чём желающие и закончились. Поговорить с ним было о чём, так что Антон в общем зубоскальстве не участвовал изначально.

Жаркое кубанское солнце палило всюду, даже слепни, бич здешних мест, почти не летали, разморенные жарой. Шарьин щелчком согнал с себя одиночного кровососа, с возмущённым жужжанием улетевшего куда-то в траву.

– Марат не звонил? – крепыш до сих пор переживал размолвку.

– Не-а. – Антон, небезуспешно пытающийся развивать у себя представление о собственных и чужих границах, пожал плечами. – Дуется до сих пор, наверное.

– Напишу ему, что ли. Так, чисто «как дела» спросить. – Гриша ухватился за чуть покосившуюся шведскую стенку и начал качать пресс, поднимая ноги.

Антон неопределённо махнул рукой:

– Ну да, и повод есть, вроде как. – он в очередной раз примерился к турнику, но затем вновь повернулся к товарищу. – Да не грузись ты. В Москву вернётся, на работу устроится и пробьётся.

Делающий упражнение Гриша молча кивнул в ответ. Шарьин хотел что-то добавить, но передумал, вместо этого, наконец-то, подпрыгнув и ухватившись за перекладину.

* * *

Толстая, некрасивая тётка с носом-«пуговкой» неуверенно разыграла удивление:

– В смысле «не об этом договаривались»? – она ткнула пальцем в кучу коробок с японскими ножами на упаковке. – Вы менеджер по продажам, вот берите и идите продавайте!

Коробки, сгрудившиеся на пыльном, драном линолеуме вызвали уныние и инстинктивное желание держаться подальше. Марат, уже всё понявший, но продолжающий цепляться за иллюзорную надежду «это какое-то недоразумение», примирительно поднял ладони.

– Послушайте, мы говорили о продажах по телефону и работе с магазинами. Это то, чем я раньше занимался, и что у меня хорошо получается. А ходить с сумкой по подъездам – это не «менеджер по продажам», это корабейник какой-то. Я это не люблю, не умею и не хочу делать.

Короткопалые руки упёрлись в жирные бока.

– Ишь, барин нашёлся! По подъездам он ходить не хочет, видите ли! Менеджером быть ещё заслужить надо! Я сама три года по квартирам ходила, предлагала наш товар, потом только с магазинами стала работать! А сейчас директор филиала уже! С низов, потому что, начинала! Зато всё знаю теперь, до мелочей! А вы всё хотите сразу в дамки!

Блондин вздохнул – определённая логика в словах стервозной толстухи была, но обходить квартиру за квартирой, пытаясь впарить эти несчастные ножи... он потряс головой, отгоняя страшную картинку.

– Да причём тут «в дамки»? Я знаю, что у меня получается, а что нет. Толку от меня как от коробейника не будет никакого, сразу могу сказать. А как от менеджера по продажам – будет, сами увидите. И я к вам на эту должность и устраивался!

Толстуха с заметным удовольствием повысила обороты и подбавила визгливости:

– Ну вот бери и иди продавай! Я тут решаю, кто чем занимается! Не нравится – свободен, у меня из таких очередь стоит! Тоже мне, аристократ помоечный!

Марат вздохнул, жалея, что разговаривает не с мужиком. Всё было бы намного проще – девять лет занятий тхэквондо бывают полезны, как не крути. Но бить женщину воспитание не позволяло, потому он интеллигентно послал несостоявшуюся начальницу в пешее эротическое путешествие, развернулся и вышел, сопровождаемый яростной руганью в спину.

Убогая офисная четырёхэтажка выходила прямо на Люберецкий городской суд, со стоянки которого как раз выезжала скромная BMW X6. За рулём сидела тётка с кисло-стервозной рожей, сразу напомнившая, несмотря на худощавость, оставшуюся позади толстуху. У той, правда, стервозность явно прикрывала какие-то комплексы, а у этой носила скорее этакий барственный оттенок, от утомлённости смердами, вроде как. Судья, видимо. Вот уж кого денежный вопрос точно не гложет...

Марат вздохнул – всякая ерунда в голову лезет, а надо о деле думать. Уже неделю ищет работу, и пока что результатов никаких, одни затраты. Койка в дешёвой общаге для гостей обходится не так уж дорого, но, всё равно, расходы постепенно набегают, и от имевшийся заначки уже почти ничего не осталось. К слову, о расходах...

Желудок, пустовавший со вчерашнего вечера, напомнил о себе протяжным урчанием. На торце четырёхэтажки трепыхались на ветру два больших плаката – один, «Адвокаты», был неинтересен, зато «Кафе-столовая, бизнес-ланчи от 200 рублей» манил стрелочкой куда-то за угол...

Нет, нафиг. Ещё тварь эта жирная туда припрётся, будет аппетит портить. Да и вообще, лучше вечером поесть, перед сном. Крепче спать будет. А пока, чтоб время не терять, надо бы опять залезть в Интернет и...

В кармане завибрировал телефон. Номер незнакомый. Будучи человеком здравомыслящим, Марат обычно на такие звонки не отвечал, но сейчас время для предосторожностей не слишком подходящее – его данные выложены сразу на нескольких сайтах, возможно, кому-то из потенциальных работодателей он приглянулся...

– Алло?

«Салам, братан!»

Голос был знакомым, но чьим именно, Марат так вот сразу вспомнить не мог. Одно точно – это не работодатель. Жаль.

– Здорово! Номер новый завёл, что ли?

Спрашивать «кто это?» как-то неудобно, но можно попробовать вспомнить по ходу разговора.

«Ага, завёл новый. Ты в Москве сейчас, да?»

Характерный казанский говор наконец заставил нужные нейроны в мозгу активизироваться.

– Да, где ж мне быть. А ты где-как?

Линар жил в Казани, но номер был московским.

«В Москве, проездом! С вокзала только вышел. Пересечёмся вечером, как смотришь, да?»

Валеев мысленно чертыхнулся. Не то, чтоб он имел что-то против Линара – нормальный парень, и даже дальний родственник. Кто-то из них кому-то приходился троюродным племянником, а кто-то, соответственно, дядей. Но «пересечься» – это неминуемые расходы, а с финансами сейчас...

– Конечно, давай!

Да и хрен с ним. Есть ещё кредитка – уж пару кружек пива можно взять, ничего страшного. Всё равно, рано или поздно он работу найдёт. Не может не найти.

«Отлично, братан! Ты когда освободишься?»

– К шести. Где будешь?

До шести ещё можно успеть пару потенциальных работ «пробить», а то и тройку.

«На „Водном стадионе“ буду. Знаешь, где это, да? Или я подъехать могу, где ты живёшь, без проблем»

– Не-не, давай я на «Водный» подъеду. К половине седьмого тогда, хорошо?

Блин, на «Водный» – считай, через всю Москву тащиться. Но уж лучше так, чем «А вот общага, я тут койку снимаю». Позорище.

«Всё, давай, рад был услышать! Как освободишься – звони на этот номер»

– Тоже рад, давай, до вечера тогда.

Марат убрал телефон и задумчиво посмотрел на рекламу столовой. Раз уж пошла такая пьянка, и один фиг придётся залезть в кредит, может?.. Да, пожалуй. Хорошо над организмом издеваться, надо что-нибудь закинуть в желудок.

Только не здесь. Не хватало ещё и в самом деле опять на толстую стерву напороться. Лучше другое место найти. У метро он вроде что-то такое видел, да.

* * *

Валеев в растерянности откинулся назад и, пытаясь скрыть замешательство, отхлебнул пива из большого пластикового стакана. Забегаловка была недорогой, по московским меркам, а пиво, соответственно, хреновым, но сейчас качество напитка его как-то не слишком заботило – и без того хватало, о чём переживать.

– Ты что, серьёзно, что ли? – переспросил он ещё раз, не в силах поверить.

Линар, откровенно наслаждающийся произведённым эффектом, солидно кивнул и тоже сделал глоток.

– А пиво как же? Вам же нельзя! – мозг Марата ухватился за эту детальку, как утопающий за соломинку. Может, его всё-таки разыгрывают? – Алкоголь же!

Собеседник беззаботно отмахнулся:

– Воину Аллаха, ступившему на путь джихада, можно всё. Он всё равно попадёт в Рай.

Валеев нервно оглянулся по сторонам – Линар не считал нужным понижать голос, и компания из трёх средней потасканности девчонок (пара среднеазиаток и, кажется, молдаванка) через столик их явно слышала. Особого ажиотажа, правда, снимающие стресс после работы кассирши из «Перекрёстка» не выказали, ограничившись парой настороженных взглядов. Скорее, даже, настороженно-заинтересованных – спортивные голубоглазые блондины на дороге не валяются, да и Линар, несмотря на дурацкую бородёнку в три волосины, совершенно ему не идущую, смотрелся не так уж плохо – гибкий и худощавый, с резким лицом восточного типа.

– Ты не ори, блин. А то не доедешь до Шама своего. – Марат дружелюбно улыбнулся девушкам, одновременно предостерегающе постучав пальцем по столу для раздухарившегося родственника.

Линар вновь махнул рукой и приложился к пиву. Он чувствовал себя уезжающим на войну героем, представляя, как во главе мчащейся по шоссе колонны, ошестинившейся пулемётами и чёрными знамёнами, под ревуций из динамиков «Иерусалим» Муцураева врывается в... э-э... куда-нибудь, в общем. Хоть в Дамаск, хоть в тот же Иерусалим. Голос понижать не хотелось, а вот чтобы окружающие были в курсе его героизма – хотелось, и даже очень. Впрочем, дураком парень не был, вполне отдавая себе отчёт, что это говорит пиво и ещё кое-что, употреблённое недавно на «конспиративной квартире» с *братьями*, посему...

– Ты как во всё это ввязался-то вообще? – не унимался Валеев. Не то чтоб он был так уж досконально знаком с жизнью дальнего родственника, но кое-какое общение они поддерживали, и уж чего-чего, а излишней религиозности за Линаром никогда не замечалось. Да и вообще какой-бы то ни было, если уж на то пошло. Скорее уж, имела место тяга к пацанско-блатной романтике, пару раз приводившая сначала в детскую комнату милиции, а потом и в обезьянник. Ничего серьёзно, впрочем. Тем удивительнее была новость.

– Ну, как... – Линар, покосившись на кассирш, обстреливающих их столик взглядами, всё-таки понизил голос. – Познакомился через Чин... э-э... знакомого одного. Разговаривали как-то за дела, дунули чутка, ну и... он говорит – есть человек, наших татарских пацанов набирает, кто повоевать хочет в Шаме. Ну там, за веру и всё такое... А там оказалось, что я и того человека знаю. Сам он тоже там был, кстати. Фотки показывал, и видео даже. Во-о-от... Что, ещё по пиву возьмём уж?

– Ага. – Марат, у которого неожиданные новости на время отогнали мысли о незавидном финансовом положении, жестом просигнализировал официантке «повторить». – И что?

– Ну, что... Познакомил меня там ещё кое с кем, поговорили, что и как... Спрашивают – поедешь? Я говорю – поеду! Как раз группа готовилась. Меня, кстати, старшим назначили! – добавил Линар с гордостью. – Руки не из жопы растут, плюс английский знаю, ещё и боксом занимался.

– И сколько вас там, в группе? – хмыкнул не слишком впечатлённый Марат. Не то, чтоб он считал родственника дураком, но и слишком высокого мнения о его способностях не был точно. Воспоминания о том, как Линар, желая продемонстрировать гостю собственную крутость, на пустом месте докопался до какой-то компании на набережной Казанки, а в итоге им обоим серьёзно навалили, жили в памяти до сих пор. Когда тебе ломают сразу два ребра, такое обычно запоминаешь.

– Четверо. – собеседник чуть смутился. – Но это потому, что большие группы опасно отправлять, спалиться могут.

Официантка принесла заказанное пиво, избавив новоиспечённого амира от тягостных объяснений по поводу скромных размеров джамаата.²²

Дождавшись, пока женщина отойдёт, Марат поднял стакан и полушутливо предложил тост:

– Ну, за воинов ислама?

Линар, ничуть не смутившись, с готовностью поддержал:

– За воинов ислама!

С громкостью он опять переборщил, и наострившая уши компания по соседству дружно прыснула, тут же сделав вид, что это они о своём, о девичьем.

– Слушай, ну а если серьёзно – нафига оно тебе надо? – спросил Марат, вытерев губы от пивной пены. – Бабла вариант вообще поднять? Или что? Там же задвухсотиться влёгкую, да?

²² Джамаат – весьма многозначное слово. В данной книге используется либо как «воинское подразделение», либо как «землячество или др. неформальная группа».

– Ну... – Линар чуть замялся. – Насчёт бабла – уж как повезёт. Так-то там платят немного. Ринат говорил, кому сотку баксов месяц, кому две... но это чисто так, на расходы! – поспешил уточнить воин ислама, заметив скепсис Марата. – А вообще можно нормально поднять, если масло в голове есть – война же. Я Рината этого... ну, набирает который, давно знаю – обычный пацан с Хадишки был, как все, постарше нас чуть. На год съездил, вернулся – трёшку себе в элитном доме купил, дом загородный, тачку реальную. Да и вообще нормально живёт! Не пьёт – не курит правда теперь, намазы там, всё уж как положено...

В последней фраза столь забавно смешались сомнение и не слишком искреннее одобрение, что Марат невольно улыбнулся. Незамеченным это не осталось.

– Ну и вообще, что мне дома ловить?! – Линар перешёл на горячий шёпот. – На СТО с утра до ночи за тридцатку пахать, и это ещё если с премией? На квартиру так хрен заработаешь! А эти суки все, с жирными рожами – менты, чиновники, депутаты там всякие... Попробуешь что своё открыть – сожрут моментом! А Ринат и остальные, кто *там* был – они сами по себе, *отдельно*, понимаешь? Их никто не трогает, бояться.

Марат задумчиво кивнул. Что-то в этом всё было, несмотря на всю кажущуюся безумность.

– А некоторые и там остаются, кстати. – Линар продолжал ковать, пока горячо. – Дом заняли, какой понравится... ну, вражеский, в смысле. Землю дают, жён несколько можно взять, уважаемый человек, короче, воин Халифата,²³ все дела.

Поселиться в доме посреди пустыни с четырьмя бровастыми, волосатоногими арабками Валеева привлекало примерно никак, и на лице это, видимо, отразилось, потому что Линар быстро уточнил.

– Ну, это уж кто хочет, конечно. Я-то по любому обратно приеду, мне и в Казани хорошо. Будет. С баблом. Айда, а?

– В смысле? – Марат от неожиданности аж моргнул. – Я, что ли?

– Ну да! – Линар энергично кивнул. – Сам же говоришь – работа не нравится, денег мало, начальник мудака. У нас в группе ни одного с опытом, а ты же на войне был! Загранник же есть у тебя?

– Есть, но...

– Вот! Да я договорюсь обо всём, ты не парься! Мы послезавтра летим, в Стамбул. Я с Ринатом свяжусь, всё объясню, поручусь за тебя – всё нормально будет! Билет он купит, там нас встретят. Съездим, бабла поднимем... да и вообще – интересно же! Движуха! Не то, что тут...

Валеев ещё подбирал слова, чтобы ответил на весь этот бред, когда одна из девушек, та, что похожа на молдаванку, устала ждать, пока потенциальные кавалеры проявят инициативу, и решила взять дело в свои руки.

– Мальчики, привет! А мы тут краем уха слышали, вы такие интересные вещи рассказываете...

Линар, не обращая внимания на предостерегающий взгляд Марата, гордо откинулся на спинку стула.

– А может, вы к нам присоединитесь, девушки?

– С удовольствием!

Среднеазиатки поднялись с места, спеша застолбить плацдарм поближе к блондину, правую сторону которого уже оккупировала их представившаяся Анжелой подружка. Линар, впрочем, отнёсся к этому философски – учитывая численное превосходство прекрасного пола, остаться без подружки ему точно не грозило. А уж когда они узнают, *насколько* он крут...

²³ «Халифат», «Исламское государство», «ИГИЛ» – террористическая организация, запрещённая на территории РФ (и вообще почти везде).

Все трое при ближайшем рассмотрении оказались приемлемой симпатичности, особенно после пары пива. Опять же – личная жизнь в последнее время Марата не радовала, так что, почему бы и нет? Денег жалко, конечно, ну да живём один раз...

Лишь бы Линар язык чересчур не распускал.

* * *

Марат неспеша, с хрустом потянулся, пару раз зевнул и, наконец-то, выбрался из постели. Почёсывая голую грудь, он с рассеянным любопытством огляделся по сторонам. Ничего, так, чистенько, и вообще, за порядком следят. Даже его разбросанные вчера вещи кто-то (видимо, Гуля) собрал и аккуратно развесил на стуле.

Одеяло на второй кровати зашевелилось и из-под него показалась заспанная женская мордашка, заинтересованно уставившаяся на гостя. Тот смущённо ойкнул и поспешно потянулся за трусами. В трёхкомнатной квартире, по словам Гули, проживали аж семь девушек, так что с приватностью и уединением дела обстояли так себе – помогало лишь то, что они работали в разные смены. Вторая обительница комнаты, очевидно, вернулась домой, когда они спали.

– Доброе утро! – неловко поздоровался Валеев, натянув трусы.

Насмешливо фыркнув, мордашка вновь исчезла под одеялом. Парень подождал несколько секунд, ожидая продолжения, но такового не последовало, так что он пожал плечами и пошёл на кухню. Благо, оттуда притягательно веяло запахами свежесваренного кофе и шкворчащей на огромной сковороде яичницы с колбасой.

Гуля, деловито хлопотавшая над завтраком, поприветствовала господина и повелителя (временного, по крайней мере) радостной улыбкой, но попытки дать волю рукам немедленно пресекла.

– Мне выходить через полчаса, а ещё краситься надо. Садись, почти готово уже.

Послушно усевшись на табуретку, Марат принялся рассматривать девушку. Миниатюрная, стройная, но все приятные глазу и руке выпуклости в нужных местах есть, как раз в его вкусе...

– Что смотришь так? – Гуля, почувствовав его взгляд, обернулась. – Нравлюсь?

В её голосе смешались ирония и неуверенность. Мужчина, вместо ответа, молча встал и притянул её к себе.

Затянувшийся поцелуй прервали донёсшиеся из другой комнаты звуки, красноречиво свидетельствовавшие, что Линар, Анжела и третья девушка (Марат поймал себя на мысли, что не может вспомнить её имени) тоже проснулись и времени зря не теряют. Молдаванка вообще в этом плане отличалась голосистостью – ночью её наверняка было слышно не только ближайшим соседям, но и половине хрущёвки.

Гуля насмешливо хмыкнула и высвободилась из объятий кавалера.

– Всё, садись есть.

Она выключила газ под сковородкой и начала было накладывать яичницу, но Марату резко стало как-то совсем не до завтрака – он подтянул девушку поближе, развернул спиной к себе и подтолкнул к столу, одновременно задирая вверх полы её короткого халата. Гульнара попыталась изобразить сопротивление, но не слишком убедительно, и через полминуты уже выгнулась дугой, постанывая сквозь прикушенную губу.

* * *

Кубанские электрички, не в пример подмосковным, редки и неспешны. С другой стороны, это отчасти компенсируется их немногочисленностью – Антон, Гриша и ещё пяток желающих с утра пораньше отправиться в Краснодар составили ровно половину пассажиров вагона.

– Что, сколько занял-то? – с пролетарской непосредственностью поинтересовался Григорий. Антон, наострившийся было задремать, недовольно посмотрел по сторонам – обсуждать финансовые дела при посторонних он не любил.

– Тридцатник.

Задавать напрашивающийся вопрос «А ты?» Шарьин не стал, надеясь, что товарищ утомится и тоже задремлет, но Петренко распирала энергия и спать он не собирался.

– А чего мало так? Я вот полтинник. Что брать планируешь?

Антон вздохнул и сказал напрямик:

– Гриш, давай потом обсудим, а? Спать охота.

Собеседник понятиливо кивнул и уставился в окно. Антон вздохнул повторно, на этот раз с облегчением, и прикрыл глаза.

– Я тоже полтинник занял! Ты чего брать будешь, Морлок?

Громкий, до отвратительного жизнерадостный голос Абрикосова дал понять, что на спокойный сон можно не рассчитывать. Гриша радостно переключил внимание с незаконного пейзажа на желающего пообщаться сослуживца.

– Ну, во-первых, разгрузку нормальную. Стилос же говорил, что там обычные подsumки советские выдают только. Потом, обувь запасная нужна – выдали херню полную, она по камням за месяц ушатается. Я думаю, «Лову» взять – пацаны сказали, в «Еврокамуфляже» за десятку есть, со скидкой...

– А шо за «Лова»? – Абрикосов, наивно-хитрожопое дитя природы из неведомого никому Морозовска, в околотаكتическом шмурдяке²⁴ разбирался не слишком, пятнадцать лет в ВОХРе Ростовской АЭС не совсем тот опыт, который тут нужен.

– Фирма такая! – с готовностью пустился в объяснения Гриша. – Офигительная обувь...

Антон, не открывая глаз, сквозь зубы пробормотал что-то ругательное и мысленно поставил жирную отметку – не забыть купить беруши, и чтоб с запасом. Сон у него был крепкий на удивление всем, в четырнадцатом он мог не просыпаться во время *прилётов* в сотне метров от позиции, но вот именно в момент засыпания какие-то более-менее связные звуки, вроде телевизора или болтовни товарищей, очень мешали. Он несколько секунд раздумывал, не встать ли и не перейти в другой вагон, где народу, скорее всего, вообще почти нет, но лень победила.

– ...панаму нормальную. То, что выдали – это изврат какой-то. – Гриша, тем временем, продолжал перечисление запланированных покупок. Поджопник, обязательно. Каремат. Аптечку ещё подобрать надо, кстати. Во-первых, обезболивающее и противошоковое. Во-вторых...

– От живота ещё нужно взять обязательно, да! – Байрамуков, взявший позывной Хабез и тоже попавший в «Эрку», поспешил высказать своё ценное мнение. – И от простуды – в горах даже летом холодно может быть!

В общем к моменту прибытия электрички на вокзал «Краснодар-1» все успели не единожды обменяться соображениями по поводу того, на что потратить занятые у товарищей под первую зарплату деньги, а Шарьин, которому так и не удалось заснуть, успел несколько раз пожалеть, что поленился и не перешёл в другой вагон. При этом, разумеется, с лавки он так и не поднялся, продолжая страдать и злиться.

Наконец, состав остановился, и вся честная компания одной гурьбой потопала к троллейбусной остановке.

* * *

²⁴ Шмурдяк (*жарг.*) – имущество, вещи

– Ну, что, за сегодня успеешь собраться уж?

– В смысле? – Марат, бодро шагавший к метро через дворы вместе с Линаром, недоумённо уставился на родственника. – Куда?

– Что значит «куда»? – возвратил непонимание Линар. – С нами. Ты ж сказал, что едешь. Я Ринату ещё вчера позвонил, что у нас «плюс один», он сказал – ярар,²⁵ если ты за него ручаешься... Ну, помнишь, покурить когда выходили.

– Э-э... – Валеев пытался подобрать слова так, чтобы не слишком разочаровать товарища. – Слушай, братан, ну я ж это... вообще, понимаешь? Не точно, в смысле.

Понимания у Линара такой подход не вызвал.

– Не, братан, погоди уж – что значит «не точно»? Это же не на шашлыки съездить – «может да, может нет». Я за тебя поручился, люди готовятся уже всё организовывать, понимаешь? Сказал «еду» – надо ехать, да.

Марат вздохнул. Он действительно после четвёртого или пятого пива подтвердил прозрачные намёки, щедро рассыпаемые Линаром перед заинтригованными девушками, но сделал это исключительно дабы произвести впечатление на уже сильно понравившуюся ему к тому времени Гульнару, а не всерьёз.

Ну, почти не всерьёз – самому-то себе можно признаться, что идея поехать на войну обладала какой-то неуловимой притягательностью, особенно если сравнивать её с безуспешными поисками работы и койкой в общежитии для гастеров. Но это самому себе, а вот окружающим...

– Да не, братан, ну ты что? – продолжал отбиваться Валеев. – Ну ты сам подумай, как так может быть – тут, типа, менты и фээсбэшники всеми силами борются, а они с одного твоего звонка соглашаются меня принять и отправить, ничего обо мне не зная. Ну ерунда же какая-то, сам подумай. Или вообще подстава ментовская!

Линар вдруг резко остановился, вызвав на заполненном движущимся к «Ховрино» людским потоком тротуаре небольшую суету.

– Братан, я не понял, ты сканил,²⁶ что ли?

Прохожие, вынужденные обходить вставших посреди тротуара парней, бросали на них недовольные взгляды и что-то бурчали, но Линар не обращал на толпу ни малейшего внимания, сверля Марата требовательным. Блондин почувствовал себя неудобно, и, будучи человеком действия, тут же перешёл в контратаку.

– Ты словами-то не кидайся! Тоже мне, воин ислама! Стрелять-то умеешь хоть? Я, в отличие от тебя, на войне был! И людей убивал!

Несколько человек, услышав последние слова, обошли будущих моджахедов по более широкой дуге, чем все остальные, но этим реакция и исчерпалась. Линар развёл руками, словно призывая кого-то в свидетели.

– Ну, так а чего тогда?! Сказал – делай уж! В чём проблема? А то я за тебя поручился, а ты теперь вилить начинаешь, меня перед людьми подводишь...

Заметив разгорающееся на лице собеседника раздражение, казанец сменил тактику:

– Братан, ну ты сам посуди – какого тебе тут ловить? Ты что думаешь, я не заметил, как ты за бабки жался, когда расплачивались? Сам же говорил – с работой хреново сейчас, начальники мудачье сплошное.

Валеев вздохнул – крыть было нечем. Вчерашние посиделки, на которых они, как истинные кавалеры, расплатились за дам, сожрали последние остатки наличности и заставили далеко залезть в последнюю оставшуюся кредитку. К тому же, Гульнара прозрачно намекала, что

²⁵ Ладно (*там.*)

²⁶ Испугался, струсил (*жарг.*)

очень даже не против перевести общение в постоянную плоскость. Это, безусловно, радовало, но вот в финансовом плане...

Линар, почуявший успех, продолжал развивать наступление:

– Полгода повоюем, бабла поднимем – и обратно. Я в Казани хату куплю, ты в Москве, красиво всё будет, да! А насчёт подставы – не беспокойся, слушай! Я тебе клянусь, нет ничего! Меня люди знают, мне доверяют, я за тебя поручился – поэтому легко так всё! С улицы бы ты пришёл – полгода бы проверяли, гадом буду! Ну, и ещё – там сейчас люди нужны, поэтому не так строго отбирают...

Заключительная фраза настолько походила на молькинское «гребут всех подряд», что Валеев, не выдержав, ухмыльнулся. Линар, ободрённый его реакцией, поспешил закрепить успех.

– Братан, ну не твоё это – в офисе штаны протирать! Помнишь, мы про кшатриев говорили как-то?

Марат кивнул – разговор он помнил. Правда, с учётом того, куда именно его столь горячо зывали ехать, отсылка к индуизму выглядела несколько... забавно.

– ...ты воин! Кшатрий!²⁷ Ну что, самому разве не хочется на войну опять?

На войну хотелось. И одновременно, не хотелось. Странное чувство, знакомое и понятное только тем, кто *побывал*.

Марат механически кивал продолжающему что-то вещать Линару, одновременно вызывая из памяти недавнее прощание с Гульнарой. В больших, чёрных глазах светились серьёзность и печаль, она чуть застенчиво улыбнулась и спросила: «Ты правда едешь *туда*?». Он кивнул, не всерьёз, а словно поддерживая вчерашнюю игру, и тогда в её взгляде появилось что-то ещё... тогда он не понял, что это, но почему-то вдруг стало неуютно. Гуля шагнула к нему и поцеловала, жарко и крепко, и это непонятное, занозистое чувство исчезло, но вот сейчас оно появилось вновь, и внезапно Марат понял, что именно увидел тогда в глазах напротив – это была гордость.

– ...молчишь-то?

– А? – Валеев вдруг вернулся в реальность. Замолчавший Линар стоял перед ним, излучая смесь беспокойства, надежды и раздражения.

– Ты меня что, не слушал, что ли?!

– Слушал, почему...

Казанец недоверчиво хмыкнул:

– Ну-ну... Так что, едем?

Марат обвёл задумчивым взглядом спешащую в недра метро толпу. Почему-то вспомнился Арам Суренович, общественным транспортом не пользовавшийся принципиально и любивший говорить: «Если мужчина до тридцати лет не заработал на квартиру и машину – семью ему создавать уже ни к чему. Такие не должны размножаться». Хитрый армянский прищур в сторону Марата не оставлял сомнений, кто подразумевается под незаслуживающим потомства неудачником.

– Едем.

²⁷ Кшатрии – представители второй по значимости (после брахманов) варны древнеиндийского общества, воины и правители.

III

Антон в очередной раз перевернулся наисквозь пропитанной потом простыне и раздражённо вздохнул – заснуть не получалось. Жара, духота, приглушённый бубнёж телевизора и постепенно набирающий громкость спор сослуживцев где-то в противоположном углу, всё это нормальному сну совершенно не способствовало. Как и это – Шарьин прислушался к тонкому гулу заходящего на посадку комара, пытаясь вычислить ожидаемое место приземления гнусной твари. Кубанские кровососы отличались какой-то повышенной устойчивостью к разнообразной химии, теоретически предназначенной для их уничтожения. Ну, или, по крайней мере, отпугивания.

Спор, начавшийся как дружеская дискуссия на тему сравнительных достоинств калибров 7.62 и 5.45, заметно накалился, давно преодолев рубеж перехода на личности и опасно балансируя на грани мордобоя.

– ...слышишь, ты, дятел! – старательно лепящий образ крутого спецназовца Гирия без стеснения использовал явный физический перевес над оппонентом. – Ты, млять, автомат вообще в руках только деревянный держал, походу! Хера ты пасть свою разеваешь, если не шаришь вообще?!

Антон, краем уха продолжая отслеживать кружащего в темноте вампира, раздражённо поморщился. Гирия его, мягко говоря, бесил. Причём нелюбовь явно была взаимной, и пару раз они уже едва не сцепились, кое-как разойдясь краями. Особых иллюзий по поводу исхода столкновения Шарьин не питал, но и позволять садиться себе на голову – не вариант.

Оставалось надеяться, что бывший взвэшник²⁸ не настолько отмороженный, каким хочет казаться, и рисковать вылетом из Конторы за драку не рискнёт. Особенно с учётом того, что завтра ему, вместе с Иргизом, предстоит убытие «в песочницу», как в Конторе принято говорить.

Комар, проведя рекогносцировку, пошёл в пике. Антон, ориентируясь на звук, хлопнул ладонью по груди, но промахнулся. Противник, впрочем, тоже решил не рисковать, свечкой взмыв под потолок и продолжив нарезать круги, ожидая, пока жертва расслабится и потеряет бдительность.

Шарьин подумал, не достать ли планшет – раз уж заснуть всё равно не удаётся, можно хоть в Интернете полазить. Но связь в лагере была на редкость отвратительной, время от времени вовсе пропадая на неопределённый срок, что весьма раздражало. Нервничать не хотелось, так что, немного поворочавшись, Антон оставил эту затею. Уж лучше с комаром воевать – тут, по крайней мере, можно добиться результата. Если повезёт.

В проёме двери появилась неясная фигура.

– Мужчины! – щёлкнул выключатель, обитатели кубрика зашевелились под внезапно вспыхнувшим светом, словно жуки под поднятым камнем. – Выходим строиться!

Неизвестно где бродивший после отбоя Джейк, а это оказался именно он, выглядел не слишком довольным.

– Выходим, не тормозим! Быстрее построитесь – быстрее разойдётесь.

Личный состав нехотя выполз в коридор и разбрёлся вдоль стенки. Джейк, пересчитав присутствующих и убедившись, что «лиц незаконно отсутствующих нет», пошёл докладывать Баламуту, что все построены.

– Что за ахтунг, как думаешь? – заспанно зевающий Егор вопросительно посмотрел на Антона. Тот задумчиво поскрёб щетину на подбородке:

– А хрен его знает. Может, залёт какой-то. Сейчас узнаем.

²⁸ ВВ – Внутренние войска

Баламут, шариком ртути прикатившийся по коридору от штабного кубрика, не стал разводить вокруг да около.

– Зачитываю список, кого называю – отвечаете «я» и отходите на правый фланг. – НШ пробежал глазами по нестройной шеренге и предусмотрительно уточнил, показав пальцем. – Правый фланг – это туда, кто не в курсе. Поехали. Башкир!

– Я! – Гиря! – Я!

Называемые стали перемещаться в указанном направлении, на ходу обмениваясь предположениями, что бы это всё значило, коридор наполнился суетой и гамом, за которыми Шарьин едва не пропустил собственный позывной.

– Интеллигент!

Но, всё-таки, не пропустил.

– Я!

Он, собственно, с самого начала стоял на правом фланге, так что и идти никуда не потребовалось.

– Косотур!

– Я!

Закончив со списком, Баламут покосился на левый фланг, где оставались всего четверо – у всех, насколько помнил Шарьин, были какие-то проблемы с загранпаспортами, вернее, с их отсутствием. То есть, отсутствие-то имело место быть, но требовалось не оно, а наличие, его же, увы...

– Кого не назвал – можете идти в кубрик.

Джейк, стоявший, как и НШ, перед строем, угрюмо вздохнул, и Антон внезапно подумал, что того, кажется, тоже не зачитывали.

– Остальные! – Баламут не терял времени даром. – Концепция поменялась, как в том анекдоте про нищего одноглазого педераста.

Раздались неуверенные смешки – анекдот, видимо, знали не все, но у тех, кто знал, возникли не самые приятные ассоциации.

– Завтра летит не военный борт, а чартер. Так что, места хватит всем – готовьтесь, погрузка на автобусы в одиннадцать тридцать. Кто опоздает... – толстяк внимательно посмотрел на «старичка» Иргиза, изобразившего смущение в ответ. – Вылетит тоже, но не в песочницу, а на хрен! Вопросы...

Несколько человек начали было что-то говорить, но Баламут легко задавил их отработанным командирским голосом.

– ...задавать не надо! Надо идти спать! Разойтись!

На этой жизнеутверждающей ноте артиллерист развернулся и зашагал в сторону штабного кубрика, отмахиваясь от желающих что-то уточнить.

– Зашибись! – Егор, враз потерявший сонливость, довольно цокнул языком. – Считай, с послезавтра начнёт нормальное бабло капать.

Антон пожал плечами. За время пребывания в базовом лагере им набегало по восемьдесят тысяч рублей в месяц – не бог весть что, конечно, но, учитывая, что заняты они в основном избиением баклуш, не так уж и мало. В песочнице ставка возрастёт до полутора сотен, не считая боевых, но и продолжить ничегонеделание получится вряд ли. Опять же, появится вероятность...

– И задвухсотиться можно будет. – напомнил он уральцу. Тот философски отмахнулся.

– Чему быть, тому не миновать. Ты чего, не рад, что ли?

– Да нет, рад. – ответил Антон, почти не покривив душой. – Заколебало тут сидеть уже. Он перевёл взгляд на печального Джейка.

– Яш, а ты чего?

Бывший морпех-артиллерист раздражённо скривился:

– Оставляют пока. Баламут сказал – вместе с ним полечу, я ему тут пока нужен.

– Ну да, а что – ты слиняешь, кто за него лямку тянуть будет, пока он бухает? – коротко хохотнул бестактный Егор. Джейк недобро посмотрел на шутника, но ничего не ответил и побрёл к своей койке.

В «общественном» углу кубрика, тем временем, стремительно приобретала материальные очертания неизбежная в такой ситуации идея «надо это дело обмыть». Идти на ночь глядя в деревню никому не хотелось, но Иргиз, обретавшийся в Конторе чуть ли не с самого первого дня и обросший связями, вызвался добыть искомое у поварих в столовой – по его словам, труженицы тыла не пренебрегали шансом заработать дополнительную копейку, реализуя домашние настойки, наливки и прочий самогон.

– Ну что, господа артиллеристы? По полтиннику скидываемся тогда? Заодно и закуси какой-нибудь притащу. – грубое лицо заряжающего, почувствовавшего себя нужным и даже незаменимым, словно осветилось изнутри. – Давайте быстрее только, а то сейчас пехота тоже туда прибежит, и на всех не хватит.

Господа артиллеристы отозвались воодушевлённым гулом и полезли за деньгами.

* * *

– «Āshādu» ан лā илāха илла Ллāху ва āshādu āнна Мухāммадан Расūлу-Ллāхи.²⁹

Непривычные слова чужого языка странно звучали на крошечной, неопрятной кухне московской хрущёвки, но собеседник Марата одобрительно кивнул.

– Хорошо. Я рад, что ты не забыл веру своих предков.

Марат, стараясь изобразить на лице что-то вроде «а как же иначе», незаметно перевёл дух. Вообще-то он был атеистом, но момент для откровенностей на религиозные темы явно не самый подходящий. К счастью, мозги у него работали, так что большую часть вчерашнего вечера и сегодняшнего утра он просидел в Интернете, ликвидируя пробелы в соответствующих знаниях. Как выяснилось – не зря. Линар, кстати, мудака – мог бы и предупредить. Или он сам не знал? Вполне возможно, на самом деле – как бы старый знакомый не пыжился, пытаясь изобразить себя обладателем некоего авторитета, выглядело это не слишком убедительно.

– ...говорит, ты воевал? Расскажи об этом.

Валеев не без гордости кивнул:

– Да. В четырнадцатом, на Донбассе. Сначала стрелком был, потом мы пулемёт отжали...

В принципе, хорошо, что прислали этого Абдаллаха, или уж как там его на самом деле. Честно говоря, выглядел он примерно таким же Абдаллахом, как тихонько сидящий в соседней комнате Линар – Майклом Джексон. Обычная европейская внешность, единственная явно нерусская черта – очень тёмные, почти чёрные глаза. Вообще, конечно, повезло, что общение с эсбэшником (ну, а кто это ещё может быть?) проходит здесь, а не где-нибудь под Мосулом. Тут, если вдруг он провалит проверку, его просто выгонят. А если попытаются что-то сделать – можно отбиться. В крайнем случае – выпрыгнуть в окно. Второй этаж, ничего страшного.

– ...потом в аэропорту ещё немного, ну и домой поехал.

Абдаллах вновь кивнул, правда, без прежнего одобрения.

– То, что у тебя есть опыт войны – хорошо. Среди братьев с Идель-Урала таких немного, а кто есть – те, в основном, раскаявшиеся муртады.

Марат попытался вспомнить, кто такие муртады, и отличаются ли они чем-то от мунафиков, или это одно и то же. Кажется, муртады – это вышедшие из ислама открыто, а мунафики – притворяющиеся мусульманами, но на самом деле не верящие. Или наоборот? И кто

²⁹ «Свидетельствую, что нет иного Бога, кроме Аллаха, и ещё свидетельствую, что Мухаммед – Посланник Аллаха».

хуже? Он недовольно поджал губы – понапридумывают всякого, голову сломаешь. Нет бы по-русски называть.

Собеседник заметил его реакцию, но, видимо, неверно её истолковал:

– Да, я понимаю – трудно доверять тем, кто когда-то воевал с мусульманами на стороне неверных. Но Аллах милостив – он даёт шанс искупить...

Марат наконец понял, кого ему напоминает Абдаллах своими повадками. Мента. А конкретнее – того рязанского опера, что допрашивал Валеева в отделении после выпускного. Тогда они с пацанами здорово нажрались, и где-то что-то разбили, в итоге Марат оказался в райотделе.

Опер поначалу казался неплохим, всё понимающим парнем, вот только вскоре он с парой коллег уже демонстрировал молодому парню «слоника»,³⁰ «колесо»³¹ и прочие традиционные ментовские способы повышения раскрываемости, убеждая гражданина Валеева взять на себя серию ограблений, в ходе которых одному из потерпевших, брату судьи, проломили голову. Никакого отношения к ограблениям, разумеется, Марат не имел, но не успей отец выяснить, где он, и выкупить сына у стражей порядка – признался бы в чём угодно, вплоть до убийства Кеннеди.

– ...отлично показывают себя на тропе джихада. То, что ты воевал не с мусульманами – это хорошо, конечно. Но почему ты поехал на Донбасс, а не в Шам? Ведь на Донбассе воюют друг с другом неверные, а как раз в то время, летом четырнадцатого, воины Халифата³² почти освободили от рафидитов³³ Багдад. Нам был дорог был каждый, способный держать оружие...

Выспренняя манера этого хмыря выразиться раздражала Марата всё больше, но он сделал над собой усилие и принял неуверенно-виноватый вид:

– Ну... я не знал, куда идти... к кому обратиться... я понимаю теперь, что поступил неправильно...

С каждой минутой вся эта затея с поездкой казалась Марату всё более дурацкой. Он уже начинал хотеть, чтобы Абдаллах вдруг встал, развёл руками и сказал: «Извините, сейчас у нас нет вакансий. Если что, мы вам обязательно позвоним». Неприятный тип, сидящий напротив, действительно встал, но сказал совсем другое:

– Аллах милостив, брат. Добро пожаловать к своим!

Он протянул руки и Марат, с торжественно-восторженным выражением на лице и смесью иронии и раздражения внутри, тоже поднялся со стула, отвечая на объятие.

Оставалось надеяться, что денег в поездке действительно удастся поднять, потому что если придётся терпеть козлов вроде этого бесплатно, то морду Линару он точно разобьёт.

* * *

– ...в Сирию летят! Ты что, не слышал, что ли? Они отсюда всегда вылетают! Муслов мочить будут!

Рыжий пацан лет двенадцати с заметным превосходством посмотрел на товарища, тот восторженно цокнул. Полторы сотни мужиков не самого благообразного вида, сгрудившихся в сквере перед старым, доживающим последние месяцы аэропортом Ростова-на-Дону, неизбежно привлекали внимание окружающих. Снующих вокруг (фэ) эсбэшников это, разумеется, не радовало, но поделаться с происходящим они ничего не могли.

³⁰ Задержанному надевают противогаз и перекрывают шланг, тем самым закрывая доступ кислорода.

³¹ Задержанному сводят руки и ноги за спиной, и защелкивают их наручниками вместе. Потом избивают и оставляют в таком положении на несколько часов.

³² «Халифат», «Исламское государство», «ИГИЛ» – террористическая организация, запрещённая на территории РФ (и вообще почти везде).

³³ Шииты

– Всё, заходим! По аэропорту не разбредаемся, сразу на контроль идём! – уже знакомый Грише эсбэшник-армянин энергично замахал руками, словно разгоняя комаров. – Быстро, быстро!

Обычный российский идиотизм в виде рамки металлоискателя и сканера для багажа на входе присутствовал и здесь, но обслуживающий это непотребство наряд ментов ограничился вялым изображением бдительности – учитывая количество колюще-режущих предметов, распиханных по карманам и багажу «нефтяников», ничего другого им не оставалось. Гриша с лёгким беспокойством подумал, как себя поведёт служба безопасности аэропорта на предполётном досмотре – у него с собой аж два ножа, швейцарский и понтовый «Боуи», выбрасывать было бы жаль. Бывалые, летевшие не первый раз, успокаивали, но...

Как оказалось, успокаивали не зря. Система явно отлажена – на таможенном контроле не было вообще никого, паспортный прошёл без замечаний, а на досмотре чернявая девушка, сидевшая за монитором, куда больше интересовалась ловлей мужских взглядов, нежели чередой проплывающих на экране «предметов, запрещённых к провозу воздушным транспортом».

– А кормить в самолёте будут, интересно? – Абрикосов, почему-то всё время оказывающийся рядом с Гришей (к вящему раздражению последнего), смешно склонил голову набок, словно прислушиваясь к урчанию в животе. Впрочем, в данном конкретном случае вопрос был актуален. Колонна автобусов, доставивших борцов с мировым терроризмом из Молькино в Ростов, делала остановку на трассе возле каких-то кафешек, но ни ассортимент, ни цены желая что-либо купить не вызвали, так что есть хотелось.

– Будут, будут. – длинный и худой Щуп, летящий уже в четвёртую командировку, успокаивающе кивнул. – На чартерах всегда кормят. Это на военных бортах хрен что дадут.

Личный состав рассредоточился по второму этажу международного сектора, поначалу стихийно двинувшись в сторону бара. Тот, впрочем, благоразумно не работал, так что скрасить ожидание не получилось. Гриша поискал было взглядом Антона, но тот, по своей обычной привычке, уже задремал в углу, на предусмотрительно не сданном в багаж каремате. Морлок вздохнул и поспешил оккупировать одно из последних свободных сидений – может, тоже получится немного кемарнуть...

Получилось – когда вырванный из царства Морфея Гриша бросил взгляд на часы, оказалось, что время уже за полночь. Контроль они прошли где-то в районе восьми, так что...

– Удачи, мальчики! – стоявшая у выхода из зала ожидания полная женщина жалостливо всхлипнула и помахала рукой. «Мальчики», садящиеся в автобус, немедленно приняли вид гордый и героический.

Посадка на борт «Syrianair» неожиданно затянулась. Пожилой, усатый дядька в форменной рубашке, впоследствии оказавшийся пилотом, лично досматривал ручную кладь всех пассажиров. Практический смысл данного действия не просматривался совершенно (ножи-то у всех в карманах), но, видимо, работала универсальная формула «так положено».

Наконец, все заняли свои места, самолёт потихоньку тронулся с места, пара стюардесс (судя по звуковому сопровождению, пришедшихся большинству пассажиров очень даже по вкусу) пробежали по салону, проверяя пристёгнутость контингента, после чего одна из них взяла микрофон.

– Уважаемые пассажиры! – почему-то на английском. – Командир корабля Мохаммед аль-Шаар и экипаж приветствуют вас на борту нашего самолёта авиакомпании Сирианэйр, совершающего рейс по маршруту Ростов-на-Дону – Дамаск...

Уважаемые пассажиры, знанием иностранных языков в массе своей не обременённые, уловили слово «Damascus» иотреагировали резко возросшим уровнем шума. Стюардесса, ни на секунду не утрачивая профессионально дружелюбного выражения лица, стоически дождалась, пока галдёж утихнет, после чего продолжила:

– ...наш полёт займёт три часа...

– Что говорит-то? – Абрикосов, вновь оказавшийся рядом, вопросительно уставился на Гришу. Окружающие, логично предположившие, что, раз человека спрашивают, значит он знает язык, тоже заинтересованно повернулись к крепышу с руной «Рáйдо»³⁴ на шевроне. Петренко, неожиданно очутившийся в центре внимания, ощутил внезапный прилив гордости.

– Говорит, три с половиной часа лететь. Кормить будут через сорок минут после взлёта. – веско, неторопливо пояснил он. Слушатели обрадованно заулыбались.

– Братан, а ты что, по-ихнему волокёшь, что ли? По-сирийски? – молодой, гопнического вида парень, кажется, из сапёров, удивлённо моргнул. Гриша, решив не углубляться в лингвистические дебри, солидно кивнул, к явному восхищению спрашивавшего.

Тон двигателей изменился, став выше и пронзительней – самолёт начал разбег.

Автобус 851-го маршрута преодолел последние метры и, наконец-то, остановился.

«...аэропорт „Шереметьево“, терминал...»

Пятеро молодых мужиков, не дожидаясь конца объявления, похватали рюкзаки и устремились вперёд. Авария на Ленинградке, перекрывшая сразу две полосы, едва не стоила им опоздания на самолёт. Ещё, кстати, не факт, что успели – до вылета осталось меньше часа, регистрация вполне могла закончиться. Хорошо хоть, в пунктах пропуска на первом этаже нет той давки, которая возникает с прибытием «Аэроэкспресса» (и в которой любой здравомыслящий смертник себя и подорвёт), иначе можно было бы вообще уже никуда не спешить.

– Айда-айда, пацаны, в темпе! – Линар, ощущающий гнёт ответственности, поторопил остальных.

Сонные, вялые менты на контроле равнодушно проверили вошедших и их багаж, не выказав ни малейших подозрений. Восточная внешность троих из пяти парней триггером послужить не могла – это же «Шереметьево», главные воздушные ворота страны, тут таких каждый час столько всякой еволючи проходит, что... Заранее оговорённая последовательность действий предполагала, что они разделятся на две группы, одна из которых сразу отправится на регистрацию, а другая сначала немного погуляет по аэропорту. Но план не предусматривал почти часового стояния в пробке, поэтому все пятеро гурьбой кинулись вверх по эскалатору, а затем – рванули по кажущимся бесконечными переходам между терминалами. Девушка за стойкой под горящим на табло «Moscow – Istanbul» уже посматривала на часы, явно собираясь покинуть пост, но приняла распечатки электронных билетов без лишних слов.

– ...?

– А? – Марат, внутренне готовый к тому, что сейчас подойдут товарищи в штатском и предложат пройти с ними, вернулся в реальность. – Что, простите?

– У вас есть с собой багаж, или только ручная кладь? – терпеливо повторила девушка.

– Нет-нет, только ручная. – он продемонстрировал небольшой чёрный рюкзак, в котором не было ничего, кроме нескольких смен белья и «мыльно-рыльных» принадлежностей. Даже без настоящей рекомендации «Абдаллаха» воздержаться от покупки формы, оптики, снаряжения и тому подобного, он бы всё равно поехал налегке – в силу отсутствия денег. Можно, конечно, было бы опустошить кредитку под ноль, и двое его спутников именно так и поступили, но... Марат всё-таки не собирался принимать шахаду, а оставлять за спиной долги, да ещё и с капающими на них дикими процентами за просрочку, ему не хотелось совершенно. Неизвестно ещё, сколько удастся заработать – было бы очень обидно провоевать полгода во имя Аллаха, чтобы по возвращению отдать большую часть заработанного «Тинькофф».

– Поторопитесь, посадка вот-вот начнётся, и закончится через двадцать пять минут. Выход на посадку там. – девушка заботливо указала в нужную сторону. Валеев поблагодарил

³⁴ Рáйдо – пятая руна Футарка

и, не дожидаясь остальных, поспешил в указанном направлении. Лучше подходить к паспортному контролю по отдельности – хоть какая-то конспирация.

Размашисто шагая по «зелёному коридору», он несколько меланхолично подумал, что, если всё это одна большая подстава, то именно на паспортном контроле его и возьмут. Или на предполётном досмотре. Найдут, к чему прицепиться, «пройдите сюда, пожалуйста», и... но делать нечего. Линар, на вопрос, зачем вообще он потащился через Москву, когда из Казани в Стамбул есть прямые рейсы, пробурчал что-то уклончивое – мол, раньше люди так и летали, но в последнее время казанские фээсбэшники стали проявлять несвойственную им ранее активность, поэтому Ринат сказал добираться через Москву. Блондин хмыкнул на ходу – имея некоторый опыт в *движухах*, от нацболов до околофутбола, ни малейших иллюзий по поводу степени начинённости любого движения (а его верхушки – в особенности) ментовско-чекистскими стукачами и провокаторами он не испытывал, и крайне сомневался, что доморощенные татарские джихадисты являются в этом плане исключением. С другой стороны – раз люди ездят и зарабатывают деньги, то какая разница? В конце концов, с аргументами Антона, почему *всё это* рано или поздно непременно рухнет, он был вполне согласен. И когда оно рухнет, никого не будет особо интересовать содержимое бесчисленных картонных папочек, а вот деньги и связи – пригодятся, и даже очень.

– Цель поездки? – упитанный, похожий на розового поросёнка пограничник задал вопрос скулящим, совершенно дежурным тоном, и поленился даже кивнуть в ответ на «Отдых», молча сунув паспорт с новым штампом в прорезь под стеклом.

Очередь на предполётный досмотр, к счастью, оказалась довольно короткой, и к самолёту бежать в итоге не пришлось. Товарищи в штатском так и не объявились, и Марат спокойно прошёл через посадочный рукав в салон, вежливо поздоровавшись со стоящими у входа стюардессами. Через несколько минут, один за другим, прибыли и остальные – последний из всех, широкий и коренастый Рамиль, судя по раскрасневшемуся лицу и отдышке всё-таки оказался вынужден пробежаться. Линар, не спеша садиться, вдруг стал с бдительным видом осматривать салон, вроде как проверяя наличие личного состава, за что удостоился от Марата мысленного эпитета «придурак». К счастью, подоспевшая стюардесса быстро загнала излишне серьёзно воспринимающего свою роль «амира» на место.

Лёгкий толчок возвестил о начале движения, стюардессы начали обязательную программу объяснений, что делать при разгерметизации или посадке на воду (как будто это хоть раз кому-то помогало), и Марат вдруг в первый раз за прошедшие несколько дней поверил, что всё происходящее – всерьёз.

Розовое солнце едва-едва начало вставать над пыльным горизонтом, но температура уже явно перевалила за двадцать пять по Цельсию и продолжала расти. Полторы сотни наёмников (термин в самой Конторе использовался в основном саркастически, хотя по факту, конечно, определение совершенно точное) толпились в закутке у выезда с лётного поля, разбирая сваленный аэропортовыми арабами в одну огромную кучу багаж. Не такая уж простая задача, на самом деле – 90% рюкзаков были абсолютно одинаковыми, выданными на вещевом складе в Молькино, и примотанные скотчем обрывки бумаги с криво написанными позывными ситуацию облегчали не принципиально. Гриша, не успевший посетить туалет до посадки, чуть стеснительно огляделся по сторонам. Не то чтоб он изображал из себя воспитанницу пансиона благородных девиц, но, всё-таки, мочиться прямо на взлётке, на глазах у такой толпы... Впрочем, секундой позже в поле его зрения попали сразу трое боевых товарищей, без малейшего стеснения справляющих *большую* нужду прямо на чухлом газоне чуть в стороне. Судя по совершенно индифферентной реакции местных охранников и рабочих, зрелище им было не в новинку и никаких душевных возмущений не вызывало. Ну, раз так...

– Так, сюда слушаем! – мордатый, бритый наголо мужик в дорогом камуфляже, старший команды встречающих, поднял руку, привлекая к себе внимание. – Все рюкзаки кладёте вот

в этот КАМАЗ! – упакованный в понтовую тактическую перчатку палец ткнул на один из шести пыльно-синих тентованных «43—11»,³⁵ колонной вытянувшихся вдоль забора.

– А на хрена мы тогда их разбирали? – голос, прозвучавший откуда-то из задних рядов, показался Грише весьма похожим на Шарына. Мордатый злобно зыркнул в ту сторону, но ответом подрывное высказывание не удостоил.

– Ну, что встали? Давай-давай, в темпе! Быстрее погрузитесь – быстрее поедете, пока солнце не припекает.

Свалив только что разобранный багаж в КАМАЗ, прилетевшие, повинувшись рыку мордатого, распределились по пяти оставшимся грузовикам. Оружия им не выдали и куда планируется их везти, разумеется, тоже не сообщили. По крайней мере, официально. Неофициально же «старички», углядев среди экипажей двух выделенных на охрану колонны «джихадов»³⁶ знакомые лица, выяснили, что всех везут на «Большой завод», он же «Каракум», расположенный где-то под Пальмирой.

Морлок невольно крикнул. Как выглядит колонна, попавшая в засаду, он себе представлял, и идея пятичасового марша по никем толком не контролируемой территории, при том, что цели заманчивее, чем сто пятьдесят безоружных русских наёмников, нарочно не придумаешь, здоровой ему не казалось. Местным, конечно, виднее, но... – Давай, чего встал?!

Гриша вздохнул и полез в кузов. Сделать, как всегда, всё равно ничего было нельзя, оставалось плюнуть и смириться. Тоже как всегда. Хотя нет, кое-что всё-таки можно. Он же каремат успел вытащить из рюкзака – теперь просто постелить его на свободном пятачке кузова, и готово. Способа комфортнее перемещаться по разбитым дорогам в кузове КАМАЗа-вездехода с его деревянной подвеской, чем лёжа на каремате, человечество пока не придумало.

* * *

– Братан, тормозни, а? Третий час уже едем, припёрло.

Эшреф без лишних слов кивнул и начал снижать скорость. Вообще, шуплый и невысокий крымский татарин, встретивший их в аэропорту имени Ататюрка, Марату понравился. Немногословен, но на вопросы отвечает, внутренняя сила чувствуется, но пупа земли из себя не корчит, в местных реалиях разбирается, но непонятные слова в речь не вставляет, и даже насчёт того, что четверо из пяти новобранцев (за исключением всерьёз верующего Равиля) в самолёте явно употребили напоследок, ничего не сказал. Хотя не заметить не мог – Марат покосился на мирно сопящих Линара и Артура. Пацанов разморило на жаре, «амир» вообще сполз куда-то чуть ли не на коврик переднего пассажирского кресла.

Умеренно потрёпанный китайский внедорожник наконец затормозил, и все четверо бодрствующих поспешили оросить замусоренную обочину. Через полминуты к ним присоединились и проснувшиеся от остановки спящие красавицы.

В Турции Валеев уже бывал, в Стамбуле и Анталье, но там за порядком более-менее следили и мусор убирали. Здесь же... где именно кстати? Всё, что он знал о текущем местонахождении – что оно где-то к юго-востоку от Стамбула. Мелькнувший минут пятнадцать назад указатель он прочитать не смог – что-то вроде «Кзынгбдзынгцурк». Короче, с мусором тут явный перебор, хотя дороги и на удивление непло...

Звонкий шлепок и последовавший за ним возмущённый возглас «Ты чё, мля?!» вырвали Марата из отвлечённых мыслей и вернули в реальность. Выглядающую, кстати, не слишком воодушевляюще.

³⁵ КАМАЗ-43118, колёсная формула 6х6

³⁶ Кустарно переоборудованный для боевых действий автомобиль. Чаще всего – пикап (реже – джип или небольшой грузовичок) с установленным в кузове крупнокалиберным пулемётом (реже – ЗУшкой, безоткатным орудием и т.п.).

Артур, наступивший на какую-то банку и со злостью зафутболивший её подальше, немедленно получил за это по лбу от Эшрефа, и теперь нависал над заметно уступающим ему габаритами проводником, угрожающе сжимая кулаки. Остальные столпились вокруг в лёгкой растерянности – с одной стороны, расклад понятен – чужой ударил своего, надо его наказать. С другой – к тем, кого этот «чужой» представляет, они, собственно, и едут, чтобы за них воевать, и дураку понятно, что шутки шутить тут никто не будет.

– Ты что творишь, а?! – Артур, несмотря на унаследованную от папы-кавказца горячность и прочие свойства, совсем уж идиотом не был, и демонстрировать явно уступающему по силам противнику свой первый юношеский по боксу не рвался, пытаясь взять оппонента на голос. Получалось, впрочем, не очень – Эшреф, казалось, не ощущал ни малейшего неудобства от сложившейся ситуации.

– Отвыкай трогать лежащие на земле предметы, брат. – спокойно и даже как-то тепло улыбаясь, посоветовал он. – Если только ты не сам их положил. Этим ты сохранишь жизнь не только себе, но и товарищам.

Пока Артур, всё ещё кипящий возмущением, пытался подобрать слова, дабы поставить зарвавшегося хилака на место, Эшреф уже отвернулся от него и преспокойно занял место в джипе. Пострадавший оглянулся на товарищей в поисках поддержки, но Линар, уже протрезвевший и согнавший сонливость, разрядил ситуацию:

– Ладно, братан, не кипиши. Твой косяк, человек спросил по-братски, научил. Нормально всё.

Не слишком счастливый Артур всё же кивнул, и Линар, удовлетворённый подтверждением своего амирского статуса, оглянулся на товарищей:

– Всё, пацаны, садимся. Поехали.

Машина тронулась с места, на некоторое время в салоне повисло довольно неловкое молчание, не напрягающее, кажется, только Эшрефа. Через несколько минут, впрочем, он оглядел недовольно-молчаливое воинство, иронично хмыкнул и полез в карман. Как выяснилось – за флешкой, воткнутой затем в магнитолау.

*«Салилүл саварим – нашеедул убах.
Ва дарбул киталий – тарикул хая.
Фа байнак тихамин юбиду тугха,
Ва катим мусавтим жамилун садах...»³⁷*

Настроение будущих моджахедов как-то само собой поползло вверх. Равиль, немного понимающий арабский, тихонько подпевал, остальные новобранцы просто похлопывали и кивали в такт мелодии. На лице спокойно ведущего машину Эшрефа царило выражение отеческого благодушия, но, когда Марат случайно поймал в зеркале заднего вида его взгляд, крымчанин неожиданно с юмором подмигнул. Блондин улыбнулся в ответ и отвернулся к окну, чтобы скрыть смущение. Последний раз он испытывал подобные эмоции, когда ехал на совсем другую войну.

* * *

О том, что они на подъезде к реально скверным местам, можно было догадаться как по резко возросшему числу блокпостов на дорогах, так и по их состоянию. «Их» – это и дорог, и блокпостов, оставленные войной отметины были везде. В некоторых местах складывалось впечатление, что кто-то целенаправленно опорожнял в асфальт и бетон не просто магазины

³⁷ Популярный нашид Халифата (араб. «Звон мечей»)

и короба, а сразу цинки. По крайней мере, иного тактического объяснения наблюдаемому Гриша, уже час как проснувшийся, найти не мог, а уж что-что, но соответствующий опыт у него был, включая ДАП³⁸ и «Дебали».³⁹

Мусора, кстати, тоже стало поменьше – ближе к обжитым местам страна выглядела одной сплошной помойкой. Петренко, правда, сомневался, что понизившийся уровень срача вызван более высокой бытовой культурой пустынных обитателей – скорее всего, их здесь банально мало, не успевают загаживать окрестности.

Колонна замедлила ход и грузовики, один за одним, стали сворачивать на уходящую влево второстепенную дорогу.

– Всё, приехали. – Щуп выверенным щелчком пальцев отправил бычок по красивой дуге над головами товарищей и под колёса следующего за ними КАМАЗа. – Большой завод.⁴⁰

– Рота охраны здесь стоит, да? – машина у них была «сборная», помимо «эрщиков» в кузове сидело и несколько новобранцев из «роты охраны объектов нефтедобычи», как это подразделение официально называлось. – Нормально тут?

Ветеран сирийских фронтов пожал плечами:

– Кто-то здесь, у них да. Условия нормальные, и опасности никакой почти, зато начальства до жопы. А кто-то в пустыне вышки охраняет, там всё наоборот.

Невысокий пузатый «охранник», явно хорошо за сороковник возрастом и за восемьдесят весом, нервно вздохнул. «Наоборот», похоже, его прельщало не слишком.

Дорога поначалу плавно, а затем всё резче пошла вверх, и вскоре они уже ехали по узкому гребню, слева (по направлению движения) от которого и внизу стояли разбившиеся на несколько скоплений большие палатки, отгородившиеся от спускающейся к Пальмирской трассе пустыни нагребённым бульдозерами валом. Справа, парой сотен метров дальше, пошли штабеля ящиков знакомого каждому причастному темно-зелёного цвета – РАВ.⁴¹

Колонна замедлила ход, немного попетляла в бетонной «змейке», справа от которой стоял окопанный и ржавый до изумления танк, после чего замерла окончательно.

– КПП. – прокомментировал добровольно взявший на себя обязанности гида-экскурсовода Щуп. – Сейчас досмотр, и на площадку для техники повезут.

Он взглянул на часы и удовлетворённо кивнул сам себе:

– Как раз к обеду. Зашибись.

Машины одна за другой проезжали блокпост, но они шли предпоследними, так что немного подождать всё же пришлось. Уже когда их КАМАЗ сворачивал налево и вниз, к предвкушаемому всеми обеду, Гриша поймал взглядом Антона, вместе с остальными артиллеристами бредущего в противоположную от столовой сторону, к артскладу. Особо радостным Шарьин, как легко догадаться, не выглядел.

– О, смотри! – жизнерадостно гоготнул Абрикосов. – Арту уже в оборот взяли! Ишачить пошли.

Щуп философски пожал плечами:

– У всех свой гемор. Арта вечно что-то грузит, зато у них и падёж поголовья куда меньше. Ты сильно губу не раскатывай, кстати. – «ветеран» ехидно посмотрел на толстяка. – Вот будешь высоту штурмовать, когда на тебе килограмм пятьдесят навьючено – посмотрю, как ты тогда запоёшь.

³⁸ Донецкий аэропорт

³⁹ Дебальцево

⁴⁰ 34°36'02.9"N 37°53'59.2"E

⁴¹ Ракетно-артиллерийское вооружение

Их грузовик остановился на порядком разбитой и засыпанной песком бетонной площадке. Сквозняк, задувавший сквозь прорехи в кузове, исчез, и навалилась оглушающая, хорошо так за сорок градусов жара.

– Выгружаемся!

* * *

Менты выглядели абсолютно так же, как их коллеги где-то в российской провинции. Форма другая, понятно, но сидит так же нелепо, торчащие из-под неё арбузообразные пуза и, главное, выражение лиц... словно никуда и не уезжали, в общем. Автоматы, впрочем, висят так, чтобы ими можно было быстро воспользоваться. Ну, на Ставрополье, после того, как его отдали кавказцам, тоже так носят, ничего особенного. Хочешь жить – держи ствол под рукой.

Линар дёрнулся было убрать флешку, но Эшреф отрицательно мотнул головой и, не выключая магнитола, опустил стекло. Двое ментов шагнули вперёд, заходя с боков, третий остался возле местной версии «лунохода».

Старший из полицейских, смуглый пузан лет сорока, с роскошными чёрными усами, сразу просёк, что за мелодию слушают в остановленной машине, и заметно поострожел лицом. Руки, вроде как невзначай, легли на автомат.

–!?!!

Марат ничего не понял, разумеется, но звучало грубо и повелительно. Он сжал кулаки, чувствуя себя совершенно беспомощным. У них оружия нет. Возможно, что-то есть у крымчанина, но...

– – ответ Эшрефа звучал мягко, но ни малейшего заискивания не ощущалось. –?

Турок набылчился и, уже не пытаясь скрывать настороженность, взмахнул автоматом.

–!,!!

Второй мент, стоящий справа, перехватил оружие и направил его на их машину. Третий, тот, что остался у «лунохода», обеспокоенно задёргался, хватаясь то за автомат, то за рацию, и что-то крича старшему с явно вопросительными интонациями. Тот, впрочем, не реагировал, сверля глазами Эшрефа.

–,,! – голос крымчанина зазвучал с каким-то торжественным звоном, но единственные слова, которые разобрал Марат, были «Аллах» и «ислам». –,?

Усач нервно сглотнул и помотал головой:

–!

В ответе слышалась отчётливая истерическая нотка и... заискивание?

– – Эшреф был дружелюбен и участлив, но Марат отчётливо видел, что их водитель перехватил инициативу, и турок признал его старшинство. –!

Усатый мент убрал руки с оружия и, старательно демонстрируя уважение, жестом показал, что они могут ехать.

–, efendi!

Что такое «эфенди», Валеев был в курсе, разумеется – уважительное обращение, типа английского «сэр». Первый раз в жизни он пожалел, что не знает татарского – товарищи, судя по тому, как напряжённо они вслушивались в разговор, хоть что-то, да поняли.

–! – судя по интонации, Эшреф сказал что-то вроде «спасибо, хорошего дежурства». Турок кивнул, оконное стекло поднялось и джип тронулся с места, оставляя турецких гаишников, или кто уж это был, позади.

– А что за Гёксун? – первым любопытство не сдержал Линар.

– Город,⁴² в котором они живут. Километров пятнадцать отсюда. Ты весь разговор понял? – их проводник явно одобрял лингвистические способности новобранца, и Марат неожиданно почувствовал укол чего-то похожего на ревность.

Линар гордо кивнул:

– Вроде да. Ты сказал, что воины Халифата защищают мусульман везде, где есть несправедливость. И спросил, не нужна ли ему и его семье помощь в Гёксуне.

Пацаны заулыбались – мусор явно вкурил и забздел.

Валееву вдруг остро захотелось сказать что-нибудь умное, но прежде, чем он успел опозориться, его опередил Артур:

– А почему ты нашед не выключил? Он же нас сразу выкупил.

Мысль, на взгляд Марата, вполне дельная, но Эшреф разочарованно покачал головой:

– Мы воины Халифата,⁴³ едущие по земле мусульман. Разве ты стыдишься того, кто ты?

Артур смущённо пробурчал что-то в духе «нет конечно, но чего бы тогда уж сразу с флагом не ехать, чтоб всем видно было?».

Проводник улыбнулся:

– Если ты едешь по Турции с чёрным знаменем, ты не воин Халифата, а дурак. – он назидательно поднял палец. – Тем, что ты дурак, гордиться не следует.

Марат расслабленно откинулся на спинку сиденья, разглядывая мелькающие за окном каменистые холмы. Эшреф внушал всё большее уважение – оставалось надеяться, что кого бы им не назначили в итоге командиром, тот будет не хуже.

⁴² 38°01'14.1"N 36°29'42.2"E

⁴³ «Халифат», «Исламское государство», «ИГИЛ» – террористическая организация, запрещённая на территории РФ (и вообще почти везде).

IV

– ...нужно заранее отснаривать. – мелкий, белобрысый Столяр важно пнул металлическую тушу ракеты. – Чтобы запас был, на случай работы. Штук двадцать, хотя бы. Перво-наперво, вскрыть цинк со взрывателями. Ну, у нас уже вскрыт.

Уроженец Саратовской глубинки, которому на первый взгляд можно было дать тридцатник, а на второй – пятьдесят (реальность ближе ко второму), выудил из вскрытого цинка два металлических конуса с торчащими из основания трубками.

– Вот этот – от короткого. У него и трубка короче, так что даже вы не перепутаете.

Собравшиеся для введения в тему новички похмыкали, но обострять не стали – то, что характер у бывшего зэка скверный, все уже поняли, ничего такого, за что пришлось бы бить морду, он пока не делал, ну а что пытается корчить из себя начальника... переживут. В конце концов, человек уже вторую командировку заканчивает, какое-то право пальцы гнуть имеет. Опять же – обещанного отпуска предыдущая смена ждёт с конца апреля, а на дворе – начало июля. Можно понять некоторую колючесть.

– ...от длинного. По нему и видно. – Столяр потряс в воздухе вторым конусом – у этого трубка была заметно длиннее, и, к тому же, оранжево-полосатой. – Вот так вот берёте, значит, и вкручиваете. Только сначала пробку выкрутите.

Он присел и принялся выкручивать из «короткого» эрэса пробку, закрывающую место, где в боевом положении должен находиться взрыватель.

– Сейчас легко идёт, но иногда – пипец как туго. Может раскрошиться прямо в эрэсе. Если пробка не идёт – смотрите, вот тут прорезь есть, сверху. Вставляете что-нибудь, можно вот такой ключ ребром, и аккуратно подбиваете потихоньку, вот так... Аккуратно только, млять, не надо со всей дури херачить, это вам не трактор!

Надо отдать ему должное, объяснял Столяр просто и доходчиво. Впрочем, семи пядей во лбу для того, чтобы правильно отснаривать, и не требовалось. Главное – понять, что эрэс хоть и стальной (по большей части), но обращаться с ним нужно бережно, и если что-то куда-то не лезет или откуда-то не вылезает, это ещё не повод демонстрировать силушку богатырскую.

– ...три положения – «О», «М» и «Б». «О» – значит, осколочный. Он так и стоит, когда в цинке, обычно им и стреляем. «М» – это с замедлением. «Б» – фугасный, это если по танку стрелять, или бункеру. Переставлять, если команда будет, вот этим...

– А что, из «Градов» по танкам и бункерам стреляют? – не выдержав, прервал лектора Санта. Переведшийся в артиллерию из штурмов после первой командировки, молодой блондин особого пиетета перед «ветеранством» Столяра не испытывал.

– Скомандуют – по воробьям будешь стрелять! – резко буркнул в ответ «уже три месяца как почти отпускник», но, заметив неподдельный интерес в глазах остальных слушателей, смиростивился. – Бывало, стреляли. Если больше никто достать не мог. Танк, конечно, не подбить так, это надо что пипец как повезло. Но у духов очко тоже не железное – штук пять прилётов рядом будет, они отойдут.

Антон, захвативший с собой блокнот (не столько ради дела, сколько для поддержания имиджа), переписал маркировку снарядов:

9М28Ф – «короткий», до 15 км

9М22У – «длинный», до 21 км

Лекция и практический показ, тем временем, продолжались:

– ...это тормозные кольца. Они разные – есть большое, есть маленькое. Вот сюда ставятся, видите – желобок тут. Нужны, чтобы навесом стрелять, через высоты. Ну, или вблизи если. Но мы их редко ставим. Крайний раз – Вторая Пальмира была когда...

Столяра вновь потянуло на воспоминания, и Шарьину как-то поскучнело. Не то чтоб ему было совсем неинтересно... первые раза три. Но он на позиции уже четвёртый день, и за это время героических баек наслу...

БАМ!!!

Слушатели инстинктивно дёрнулись, кто-то даже полуприсел, Антон едва успел подхватить выскользнувший из рук блокнот.

– Суки, млять! Педерасты! – Санта, судя по одобрителю ворчанию остальных, выразил общее мнение. Шарьин, впрочем, покосился на молодого краснодарца с не особо скрываемым отсутствием симпатии. Блондин отличался повышенной эмоциональностью, мягко говоря. А если без экивоков – на взгляд Антона, у парня было явно не всё в порядке с головой, и вряд ли причиной послужила заработанная в пехоте контузия.

Столяр, бровью не пошевеливший при выстреле, насмешливо хмыкнул:

– Что, серанули? Погодите, это вы сто пятьдесят два мэ-мэ ещё не слышали...

– Да что-то громко уж очень сегодня, ха-ха. – хохотнул Ворона. – Обычно-то потише.

По идее, земляк Иммануила Канта обзывался «Вороном», и даже имел неплохо сделанную татуировку соответствующей птицы размахом на четверть торса, но, в силу личных качеств носителя, позывной не прижился. Поэтому моряк и таксист в глаза был, в основном, просто Димой, а за них – Вороной или Димасиком. Впрочем, против последнего он, кажется, не возражал, что добавляло штрихов к портрету...

– Полными лупят. – Столяр кивнул на суетящихся метрах в пятидесяти артиллеристов. – И в нашу сторону. Поэтому херачит так.

Ветер, к счастью, как обычно дул с севера, так что поднятое выстрелом облако пыли понесло прочь, вдоль позиции несчастных пушкарей.⁴⁴ Работало лишь одно орудие, расчёты двух других пили чай, загорали или просто лениво валялись в «норах», не обращая особого внимания на пыль и грохот. Привыкли.

Антон покачал головой. Не то, чтоб ему так уж сильно нравилось на «Градах», но, сравнивая с 2С1⁴⁵ – рай. Во-первых, на расход эрэсов командование смотрит куда более косо, чем на перепахивание пустыни обычными снарядами, поэтому стрельбу по дежурным целям реактивщики почти не ведут. Во-вторых, судя по рассказам, сворачивание/разворачивание что М-30,⁴⁶ что Д-30⁴⁷ – тот ещё геморрой. БМ-21 же в этом плане одно удовольствие – приехал, остановился, можно стрелять. Нужно сворачиваться – поехал дальше. Красота. По крайней мере, в теории. Шарьин, правда, не совсем понимал, как эта теория соотносится с тем, что разнообразного шмурдяка у них примерно на три КАМАЗа, а вот самих КАМАЗов в наличии всего один, да и тот наполовину заполнен эрэсами.

Тут, кстати, вступает в действие третье положительное отличие их подразделения от стоящих в полусотне метров ниже по вад⁴⁸ пушкарей – коллектив. То есть, претензий в этом плане у Антона хватало, конечно, но нельзя не признать – отличия от вечно грызущихся и, кажется, патологически неспособных организовать для улучшения совместного быта пушкарей были существенными. Рассказы регулярно заглядывающего на чаёк Принцессы, попавшего на батарею М-30 вычислителем, заставляли вспомнить классический анекдот про доктора и «как же хорошо!».

Как следствие – на семь (в данный момент одиннадцать, но это временное явление) человек реактивщиков приходился примерно втрое больший объём жилых и хозяйственных

⁴⁴ 34°48'52.9"N 37°47'50.9"E

⁴⁵ Вообще, 2С1 – это самоходная 122-мм гаубица (на основе орудия Д-30). По ведомой лишь Аллаху причине, в жаргоне артиллерии ЧВК в Сирии так стали называть 122-мм буксируемые гаубицы М-30.

⁴⁶ М-30 – 122-мм советская буксируемая гаубица образца 1938 года

⁴⁷ Д-30А – 122-мм советская буксируемая гаубица образца 1978 года

⁴⁸ Вади – сухое речное русло, заполняется водой только во время сильных дождей.

построек, чем на два десятка их соседей. Собственно, места общественного пользования в 2С1 отсутствовали, как класс, в то время как в их расчёте имелись столовая, штаб, баня и спортуголок, плюс просторные и удобные домики на два-три человека каждый. Как сказал по этому поводу Кот, объясняя местные реалии в день прибытия новичков: «пушкарки – животные норные».

Построена вся эта роскошь, разумеется, была из снарядных ящиков, но вот тут-то и появлялась загвоздка: другого стройматериала в окрестностях нет, а ящики сами собой не рождаются, их привозят вместе с *новым* БК.⁴⁹ Соответственно, если интенсивной работы нет, нет и ящиков. А переходить в разряд «норных животных» как-то...

БАМ!!!

– Суки, млять! Задолбали уже!

На этот раз с раздражением покосился не только Антон – психопатические припадки Санты потихоньку утомляли всех.

– ...грузите в кузов эрэсы без ящиков – во-первых, хвостом вперёд всегда. Если движок запустится – чтоб не в кабину полетело.

Слушатели понимающе переглянулись – историй о том, как в Молькино эрэсы однажды начали стартовать прямо из кузова, и только чудом обошлось без «двухсотых», они уже наслушались.

– ...вторых, чтоб вот этим контактом... – Столяр постучал носком шлёпанца по блестящей полоске на хвостовой крышке эрэса. – ...ничего металлического не касались. Там электропуск – двенадцати вольт хватит, батарейкой можно запустить. Теперь...

– Обед!

Кто-то зоркий из пушкарей первым заметил сворачивающую с трассы машину. Еще через минуту её бы не увидел разве что слепой – километр ведущей к их позиции грунтовки был покрыт толстым, выше щиколотки слоем мельчайшей пыли, при любом движении поднимающейся в воздух. Светло-жёлтое облако, поднятое КАМАЗом, наверное, можно было разглядеть с орбиты.

– Ладно, после обеда продолжим... – окончание фразы, впрочем, прозвучало уже в спины расходящейся аудитории. Столяр собрался было выругаться, но лишь махнул рукой и, что-то ворча под нос, побрёл к умывальнику.

* * *

Обед уже традиционно не порадовал – неумелая имитация плова с жилистыми ошмётками старой баранины, кусок толстого лаваша и бутылка воды. Ах да – ещё большая, душистая помидорина, единственное, что можно съесть без насилия над собой. Интересно, почему на войне обычно так хреново кормят?

– Братан, чего задумался-то? Остынет уж.

Марат благодарно кивнул и потянулся за ножом – разрезать помидор. Судя по тому, как энергично работал ложкой Линар, его скудность и однообразие местной пищи беспокоили не слишком.

Длинное, полутёмное помещение с бетонными стенами и четырёхметровым потолком наполнилось негромким шумом и разговорами – две дюжины добровольцев со всех уголков бывшего СССР уже более-менее познакомились друг с другом, первоначальная настороженность прошла, настало время травить байки и производить впечатление.

Вообще, конечно, лагерь выглядел не совсем так, как Марат его себе представлял на основании донецкого опыта (ну, и фильмов, чего уж скрывать). Собственно, это место и лагерем-то

⁴⁹ Боекомплект

можно было назвать разве что с большой натяжкой – скорее уж пересыльным пунктом. Непонятного назначения бетонная коробка на окраине какой-то убогой деревушки за прошедшие несколько дней успела надоесть хуже горькой редьки. Все занятия проходили внутри, выходить на улицу Эшреф строго-настрого запретил.

Крымчанин, привезший их сюда из Стамбула, оказался не просто водителем, а старшим из местного руководства. Не то чтоб кто-то посвящал новобранцев в такие детали, но свою наблюдательность Валеев без лишней скромности оценивал достаточно высоко. Оставалось непонятным, зачем начальнику самому тащиться через всю страну за пятью новобранцами, но видимо, были причины...

– Что, Москва, заскучал? Домой хочешь, к своим? – вроде бы, ничего выходящего за пределы нормальной для мужского коллектива подколки, но выражение лица и тон спрашивающего не оставляли сомнений, что под «своими» он подразумевает что-то плохое, типа русских.

– Ты сам-то как тут держишься, без овец? – ещё не успев ответить, Марат уже пожалел о произнесённой фразе, но этот чеченский мудак со своими земляками успели его порядком достать за пару дней.

Зелимхан, не тратя времени зря, вскочил с места и угрожающе двинулся в сторону белобрысого русиста (в том, что Марат никакой не татарин, молодой чеченец не сомневался ни капли). Впрочем, игрой на публику он пока и ограничивался – во-первых, опасаясь реакции начальства на драку, во-вторых, русист был заметно крупнее, плюс Зелимхан видел, как тот пару раз разминался и «работал с тенью», так что особых иллюзий насчёт своих шансов на победу не строил. Оставалось брать голосом – благо, хоть с русским у него было и не очень, ругаться чеченец умел.

– Слышишь ты, блядь русская! Я тебе сам голову отрежу, а перед этим в рот вые...

– Ну так иди сюда! Давай, петушок! – Марат, широко улыбаясь, издевательски поманил чеченца к себе. – А то раскудахтался...

Раздалось несколько смешков. Зелимхан, родившийся и почти всю жизнь проживший в Шали, от общероссийской молодёжно-блатной субкультуры был далёк, но поняв, что его сильно (и, главное, прилюдно) оскорбили, бросился вперёд. В конце концов, он и сам с десяти лет на борьбу ходил, главное, подобраться к врагу поближе...

Подобраться не получилось – через пару секунд пропустивший удар в солнечное сплетение чеченец уже корчился на полу, судорожно пытаясь вдохнуть. Четверо его земляков бросились было к Марату, но тут же остановились – на защиту товарища встали Линар и остальные. Секунду подумав, к чеченцам присоединились ингуш и двое дагов, остальные новобранцы раздвинулись в стороны, освобождая место для схватки.

Марат, сделав шаг назад, к своим, окинул взглядом соперников. Дело для «татарского джамаата» складывалось не лучшим образом – помимо численного превосходства, кавказцы обладали ещё и физическим. Зверообразный ингуш и один из чеченцев были просто громадными, да и остальные явно не шахматами или спортивной ходьбой увлекались – потихоньку приходящий в себя Зелимхан сильно уступал в этом плане любому из своей «группы поддержки». На его наглости, впрочем, как оно часто и бывает, это сказывалось обратным образом.

У них же серьёзными бойцами были только сам Марат и невысокий крепыш Равиль, добравшийся как-то до финала по республике. Линар и Артур горазды понтоваться, но против серьёзного соперника... мдя. Длинный же и худой Ильяс, чем-то напоминавший Шарьина, вообще от рукопашки далёк, он, как раз, больше по шахматам. В строй, правда, встал вместе со всеми, молодец.

Линия кавказцев чуть колыхнулась и двинулась вперёд. Марат с тоской подумал, что сейчас они знатно огребут, и хорошо ещё если обойдётся хотя бы без тяжёлых увечий, но эта пораженческая мысль тут же исчезла, смытая поднимающейся боевой злостью...

– Я что-то не припомню, чтобы назначал тренировку по рукопашному бою. – появившийся из ниоткуда Эшреф, как всегда, спокоен и доброжелателен. – У нас сейчас арабский язык по плану.

Уже настроившиеся на драку новобранцы заколебались, переглядываясь друг с другом и с соперниками, но крымчанин сделал нетерпеливый жест – «что встали, по местам» и вся толпа двинулась в дальний конец помещения, где было оборудовано что-то вроде класса. Кажется, Эшрефу и в голову не пришла мысль, что кто-то может послушаться. Потому, собственно, все и подчинились, подумал Марат.

Зелимхан пошёл вместе со всеми, но Валеев затылком чувствовал его горящий ненавистью взгляд. Похоже, с этим гадёнышем ещё будут проблемы. Надо что-то решать, пока они не добрались до мест, где воюют и где им выдадут оружие – с чечена станется выстрелить в спину.

Эшреф прошёл на своё место у классной доски, подождал, пока все рассядутся на разбросанных по полу маленьких плоских подушках и нашёл глазами виновников едва не случившейся драки.

– Марат, Зелимхан, встаньте.

Оба поднялись на ноги, подчёркнуто не глядя друг на друга. Марат мысленно вздохнул – получать выволочки он не любил, особенно прилюдно, но, похоже, этого не избежать. Эшреф, впрочем, начал с его соперника.

– Зелимхан – это же ты начал ссору, я прав?

Чеченец яростно потряс головой:

– Нет, учитель! Я просто пошутил, а он начал меня оскорблять в ответ – про овец, петухов каких-то и вообще...

По классу пробежали было смешки, но тут же завяли под пристальным взглядом Эшрефа. Согнать ухмылки, впрочем, успели не все.

– Линар. – голос крымчанина всё так же тёпл и участлив. – Расскажи нам, какая весёлая мысль тебя посетила?

Татарин встал и виновато потупился:

– Никакая, простите.

Эшреф с сожалением покачал головой:

– Жаль. Смех – это хорошо, иначе Аллах не наделил бы нас чувством юмора. Но, раз никакой причины для твоего смеха нет – подойди во-о-он туда.

Линар чуть слышно вздохнул и прошёл в угол, в котором громоздилась куча больших цементных кирпичей.

– Возьми один кирпич.

Отвернувшись от выполнившего приказ Линара, словно потеряв к нему всякий интерес, Эшреф вновь обратил внимание на чеченца.

– Как именно ты пошутил, Зелимхан?

– Я просто спросил, если он соскучился по Москве и по своим. – чеченец развёл руками, как бы делясь недоумением насчёт реакции на столь невинный вопрос. Учителя, впрочем, это явно не убедило.

– Скажи, кого ты имел в виду под «своими»?

Зелимхан открыл было рот, собираясь выдать заранее заготовленный ответ, но посмотрел на неуклюже переминающегося в углу Линара и, на своё счастье, после небольшой паузы сказал правду:

– Русистов. Я думаю, он русист, не мусульманин.

Эшреф понимающе кивнул, не обращая внимания на сжавшего кулаки (не без изрядной доли картинности) Марата.

– Почему ты так думаешь?

Чеченец с готовностью ответил:

– Он похож на русиста, это один. Молиться не умеет правильно, это два. – Зелимхан чуть смутился, но, всё-таки, продолжил. – Хитан⁵⁰ не делали ему, я заметил, когда мылись. Это три. Он не мусульманин.

На этот раз никто не засмеялся – присоединяться к уныло стоящему с кирпичом в руках Линару желающих не было.

Эшреф подождал несколько секунд, словно желая удостовериться, что чеченец рассказал обо всех замеченных им признаках русизма, после чего огорчённо покачал головой.

– Зелимхан, сначала я отвечу на второе из твоих обвинений. Ты родился и вырос в мусульманской семье и на земле мусульман. Да, я знаю, что Чечня оккупирована неверными и их прислужниками, но в народе живы любовь к Аллаху и покорность ему. Не так ли?

Дождавшись, пока чеченец с гордостью кивнёт, учитель продолжил.

– С самого детства тебе повезло – ты знал радость молитвы, радость веры в единого бога. Теперь ты вырос, и встал на путь джихада – ты хочешь защищать веру и мусульман.

– Да, учитель! – не выдержал Зелимхан.

– И вот ты встретил человека, которому не повезло так, как тебе. Он вырос среди безбожников, не знает слов молитвы, не знает хадисов, не знает многого, что должен знать мусульманин. Но в сердце его горит огонь веры, жажда справедливости – он сам, без влияния и помощи уммы⁵¹ пришёл к вере в Аллаха и к желанию встать на джихад. И как же ты отнёсся к своему брату?

Зелимхан, сообразив, куда клонит учитель, виновато опустил голову.

– Ты помог ему? Подсказал? Научил его правильно молиться? Нет. – в голосе Эшрефа сквозили печаль и разочарование. – Ты стал насмехаться над ним и упрекать его в неверии.

Марат ни на секунду не поверил в искренность раскаяния чечена, для этого он их слишком хорошо знал. Но то, что учитель был на его стороне, радовало.

– Что касается его внешности – скажи мне, Зелимхан, ты знаешь, кто такой Умар ибн аль-Хаттаб?

Чеченец энергично кивнул, радуясь шансу реабилитироваться:

– Второй великий халиф!⁵²

– Правильно. Пророк, мир ему и благословение Аллаха, назвал Умара «аль-Фарук». Ты знаешь, что это означает?

Ответ Зелимхан явно знал, но вот с его формулировкой на не слишком привычном жителю Шали русском языке возникли проблемы:

– Который знает... э-э... что хорошо и плохо.

Эшреф одобрительно кивнул:

– Да. Умар ибн аль-Хаттаб умел различать истину и заблуждение, за что и получил такое прозвище. А теперь ответь – знаешь ли ты, что сказал праведный халиф про тех, кто сеет национальную рознь между мусульманами?

Зелимхан покачал головой, но лёгкая заминка перед этим не укрылась ни от Марата ни, надо полагать, от учителя.

– Он сказал амирам своих войск: «Если люди начнут призывать друг на друга своими племенами, то бейте их мечом, пока они не начнут призывать друг друга исламом!» – Эшреф поднял палец, подчёркивая важность произнесённого. – Марат – татарин. Но, даже если к нам придёт русский, уверовавший в Аллаха всемогущего, мы примем его, как брата.

⁵⁰ Обрезание в исламе

⁵¹ Умма – в данном случае мусульманская община

⁵² Общепринятое название на русском языке – «праведные халифы». Но Зелимхан слова «праведный» по-русски не знает.

Зелимхан упрямо нахмурился и сжал кулаки:

– Русисты мне не братья! Они лишили мой народ дома, пытались уничтожить нас всех! Вы не понимаете, учитель...

Эшреф иронично поднял бровь. Старший из чеченцев, хмурый, кряжистый бородач Мага, что-то резко сказал смутившемуся Зелимхану по-чеченски, после чего повернулся к Эшрефу:

– Пожалуйста, простите его, амир. Он ещё молодой и глупый. Сказано: «Крепко держитесь за ветвь Аллаха все вместе и не разделяйтесь». Он поймёт.

Крымчанин жестом показал, что не сердится.

– Ничего страшного. Молодость бесценный дар Аллаха. Зелимхан, ты ведь знаешь, кто я по нации, так?

Молодой чеченец, всё ещё смущённый, мелко закивал. Эшреф улыбнулся.

– Но я родился не в Крыму, а в Ташкенте. Тот же тиран, что лишил дома твой народ, сделал это и с моим. Только мы смогли вернуться не через десять лет, а лишь через сорок.

Судя по тому, как удивлённо захлопал глазами Зелимхан, об этом он не слышал. Крымчанин, тем временем, продолжил:

– Должен ли я винить за это всех русских? Или всех грузин? За грехи...

Чеченец явно полагал, что должен, но был достаточно умен, чтобы оставить своё мнение при себе.

– ...конкретного человека должен отвечать этот человек. Лишь опекун может отвечать за действия тех, кого он опекает, но не наоборот. Русские, воюющие против мусульман – наши враги, мы будем убивать их. Русские, не вредящие мусульманам – люди Книги,⁵³ и покушаться на их жизнь, честь и имущество – запрещено. Русские, уверовавшие в Аллаха – наши братья, и там, куда ты отправишься, ты встретишь их, сражающихся бок о бок с другими мусульманами. Многие из них – превосходные воины.

Марат краем глаза пробежался по толпе. Если на лицах татар, башкир и среднеазиатов виделось в основном либо согласие, либо признание того, что начальству виднее, то кавказцы явно не восприняли слова Эшрефа как истину в последней инстанции. Возражать, впрочем, никто не стал.

– ...ты увидишь и многих других, прибывших на помощь братьям со всех концов мира – суданцы, индонезийцы, тамилы, немцы... – Эшреф вдруг улыбнулся. – Был один брат, мой друг – индеец из Венесуэлы.⁵⁴ Он уверовал уже в зрелом возрасте, ему было за тридцать. В Фаллудже, прежде чем принять шахаду, он уничтожил американский танк.

– Вы были в Фаллудже, учитель? – Кулжан, самый юный из присутствующих, ему едва исполнилось семнадцать, восторженно захлопал раскосыми глазами. Интересно стало не только молодому казаху – перед ними стояла живая легенда.⁵⁵

– Был. – кивнул Эшреф. – Но об этом мы поговорим как-нибудь в другой раз.

Он вновь обратил внимание на Зелимхана.

– Что касается хитана – конечно, обычно мусульмане делают его. Но не все, и большинство учёных сходятся в том, что это желательно, но необязательно.

⁵³ Люди Книги – в исламе это христиане и иудеи. Они не считаются равноправными с мусульманами, но и *просто так* грабить и убивать их нельзя.

⁵⁴ Уго Чавес пригласил в Венесуэлу несколько сотен радикальных исламистов с семьями (как «борцов с империализмом»). В результате, страна стала очагом заражения в регионе. Индейцы принимают ислам целыми племенами.

⁵⁵ Сведения о Третьей битве за Фаллуджу (май-июнь 2016) весьма противоречивы, но, по представляющимся наиболее достоверными, полторы тысячи легковооружённых боевиков почти два месяца держались в окружении, отбивая атаки на порядок превосходящих их иракских частей, поддерживаемых западной авиацией. Нанеся атакующим огромные потери, немногие выжившие прорвались к своим.

– И вообще, нефиг на чужие причиндалы засматриваться. – глухо пробормотал Артур. Зелимхан напрягся, несколько кавказцев покосились на шутника с осуждением, но Эшреф, кажется, ничего не услышал.

Крымчанин вздохнул и устало потёр переносицу.

– Думаю, тебе нужно время, чтобы подумать, Зелимхан. Я освобождаю тебя от занятий до завтрашнего обеда. Советую тебе пост и молитву – они успокоят твоё сердце и принесут ясность уму. Иди.

Чеченец, чуть растеряно потоптавшись на месте, подчинился жесту и направился в другой конец здания. Взгляд Эшрефа, тем временем, переместился на Марата, сразу почувствовавшего себя неловко.

– Марат...

Ноги сами вытолкнули блондина наверх.

– ...ты специально резко ответил на неудачную шутку брата, чтобы его спровоцировать?

Марат, только что твёрдо намеревавшийся соврать, вдруг неожиданно для самого себя кивнул:

– Да. Простите, учитель.

Эшреф грустно покачал головой:

– Ты провинился не передо мной. Провоцировать слабейшего на драку – недостойно сильного. Садись и подумай о том, что я сказал.

Валеев сел на место, почему-то чувствуя себя так, словно он вдруг громко испортил воздух посреди офиса. Пожалуй, даже хуже.

Учитель, тем временем, подошёл к доске.

– Приступим к уроку. Итак, вчера мы учили, как вести себя на рынке. Кулжан, представь, что я торговец, продающий абрикосы по триста фунтов⁵⁶ за килограмм. Тебе нужно купить три килограмма, но у тебя только пятьсот фунтов. Начинай.

Казах встал и вежливо поклонился:

– Ас-саляму алейкум ва-рахмату-Лләх...⁵⁷

В углу продолжал стоять с кирпичом в руках грустный Линар.

* * *

– Интеллигент, звонить поедешь на гору?

Антон задумчиво поскрёб отрастающую щетину. Поехать-то он поедет, надо же узнать, как там Гриша, но хорошо бы ещё...

– А позвонить дашь? Мне пару минут всего.

– Ну вот, начинается... – Кот соорудил возмущённую мину. – Ты им палец, они руку по локоть...

Шарьин с серьёзным видом кивнул:

– Ага. А потом шею перегрызть начнём. Так дашь, насяльникамана?

Командир их маленького подразделения, невысокий и тёмный тридцатилетний инженер из Набережных Челнов, печально вздохнул:

– Дам, что ж с тобой делать. Ещё желающие на гору?

Ворона радостно поднял руку:

– Я поеду, Лёха!

– Ты ж вчера ездил. – хмыкнул Кот. – Хорошего понемножку.

⁵⁶ Сирийский фунт

⁵⁷ Араб. – мир вам и милость Аллаха

«Таксоморьяк» начал плести что насчёт «да я не звонить, пацанов там наверху просто проведать», но командир уже отвернулся.

– Лёха, мне бы тоже позвонить... – Чёрный, второй москвич в подразделении (ну, не более «москвич», чем Антон, но всё относительно...) явно не питал особых надежд на согласие. Вполне оправданно, как выяснилось.

– Не, Дэн. – начальство помотало головой. – Я уезжаю, земляк твой тоже – цель придёт, обсчитать некому. Ещё желающие?

Таковых не оказалось, остальные ездили звонить вчера, так что в УАЗ-«буханку» они погрузились втроём – Кот, Интеллигент и Янки, водитель КШМ.

Собственно, «на гору» – это совсем недалеко, пять минут на машине по *очень* пыльной грунтовке. Правда, круто вверх. Вади, в котором размещалась их (и пушкарей) позиция, шло севернее дороги, соединяющей Малый завод⁵⁸ с Большим и более-менее параллельно ей, а ещё севернее (ну, северо-западнее, если точнее, Антон же не просто так, а целый топогеодезист) лежит горный хребет, гребень которого оседлал штурмовой отряд с руной «Райдо» на шевронах. Дальше за гребнем – территория «бородатых». Те, впрочем, ведут себя довольно скромно, ограничиваясь мелкими пакостями. Вряд ли в силу врождённого добродушия, скорее от недостатка сил – анклав Халифата,⁵⁹ занимающий крайний восток провинции Хама, теоретически отрезан от основной территории «чёрных» и находится в блокаде. Понятно, что ключевое слово здесь не «блокада», а «теоретически» – на блокпостах стоят местные, а то и ещё хуже, так что проехать можно, с помощью страха и/или денег.

Тем не менее, основные силы черноармейцев сейчас сражаются в Мосуле (вернее, под ним, в самом городе их уже зачистили, вроде как) и Ракке, здесь оставлен самый минимум, едва достаточный для обороны, поэтому...

– Млять! – «Буханка» подпрыгнула на скрытой в пыли кочке и Кот воткнулся головой в потолок. – Сань, ну что за хрень?!

Янки, не отрывая взгляда от дороги, пожал плечами:

– Ну, а что я тут, Лёха? Пыль же. А с дороги съезжать – нуах!

Оба пассажира синхронно кивнули – насчёт минной опасности все были в курсе, как и о том, что пятерых из семи двухсотых в Конторе за прошлый месяц дали именно подрывы. У Кота, собственно, подходила к концу первая командировка, большого желания ехать в отпуск в цинке не было, так что бурчал он скорее из принципа.

Ещё немного, и машина выскочила на небольшую площадку в полусотне метров от гребня. Ехать дальше, если ты не большой начальник, категорически не рекомендовалось – пехота, в отличие от артиллеристов, философского отношения к облакам пыли пока не вырабатала, и чересчур лихому водителю могли просто-напросто набить морду.

Оставив транспорт (и Янки вместе с ним) на площадке, пассажиры поднялись чуть выше, к гребню. Антон, на горе ещё не бывавший, с любопытством закрутил головой.

Средней обустроенности позиции особого интереса не вызвали – что он, позиций не видал, что ли? От привычных по донецким степям эти отличались разве что заметным доминированием объёма насыпанного над выкопанным, но, с учётом специфики грунта, ничего удивительного.

Куда интереснее открывающийся с высоты вид на окрестности. Шарьин забрался на бруствер с некоторой опаской, но, увидев с полдюжины раздевшихся до трусов пехотинцев, загорающих на обращённом к «даишам», как здесь говорили, склоне, расслабился и стал всматриваться в даль.

⁵⁸ 34°50'58.7"N 37°53'31.0"E

⁵⁹ «Халифат», «Исламское государство», «ИГИЛ» – террористическая организация, запрещённая на территории РФ (и вообще почти везде).

Каменистый откос довольно круто спускается к пыльной равнине, тянущейся на несколько километров до следующего хребта. По равнине проходит грунтовка и разбросаны несколько строений, но движение отсутствует, а вот домикам явно *прилетало*, и не раз.

За равниной идёт другая горная цепь, вроде бы пониже ихней, а в её разрывах виднеются ещё какие-то вершины, отстоящие совсем уж далеко.

– С арты? Новенький? – один из «пляжников» заметил незнакомую физиономию. Антон невольно обратил внимание на его забавную расцветку – тёмно-коричневые руки и шея, на фоне которых бросались в глаза ярко-красные, цвета варёного рака торс и ноги.

– Ага. – кивнул Шарьин. – Духов позиции не видно отсюда?

Пехотинец ткнул пальцем в сторону далёких гор:

– Там, на высотах, типа вот этой. – он показал вокруг. – Тут же тоже духи раньше были, когда мы Малый завод брали. Внизу ездят иногда, но больше по ночам.

– Сюда не лезут?

– Здесь нет, а вон там пробуют иногда. – собеседник кивнул вправо, где по «ихней» гряде словно кто-то несколько раз рубанул гигантским топором. – По нам только шмаляют иногда.

– Из чего? – заинтересовался Антон. Раз уж попал в артиллерию, надо знать, как у противника обстоят дела в этом вопросе.

– В основном из ЗУшек. – пехотинец вдруг потянулся в сторону и поднял с земли металлический конус с желтоватым ободком. – Вот, на, сувенир.

Шарьин взвесил в руке оказавшуюся неожиданно тяжёлой железку. На поверхности снаряда были заметны следы нарезов. Он присмотрелся – какие-то странные загогулины, то ли арабский, то ли иврит, непонятно. В общем, явно не с советских складов.

– ...пару раз тяжёлое что-то прилетало, из-за гор. А так – выскочат, лупанут раза три, и тикать, пока ответкой не накрыло. У нас же тут ваши корректировщики сидят, наводят. Но пока вы прочухаетесь, духи уже сваливают.

Последняя фраза прозвучала с отчётливыми критическими нотками, но Антону было лень вступаться за честь мундира, тем более что артиллеристом он сам являлся без году неделя, а в бытность пехотинцем скепсис собеседника в отношении «богов войны» вполне разделял. Вместо этого, он перевёл разговор в практическую плоскость:

– Бывает. Слушай, не подскажешь, Морлока как найти? Друган мой. Невысокий такой, крепкий.

Красно-коричневый пехотинец задумался, но тут к разговору подключился один из его компаньонов по принятию солнечных ванн, жилистый парень с длинным тонким носом.

– Это молодой который? С крайней партией приехал?

На взгляд Антона, спрашивающему самому было лет двадцать пять, в то время как Грише – двадцать девять, ну да тут явно имелся в виду не возраст.

– Ага.

Пехотинец хмыкнул:

– Так это ж Маасква, гранатомётчик который, *типа*. Ты тоже маасквич, что ли?

Любовь провинциалов к столичным обитателям, коей армия славилась ещё в застойные времена, успешно прошла через развал прошлой версии советской власти и уверенно намеревалась пережить её текущую реинкарнацию.

Тон вопроса Шарьину не понравился, но смысла из-за этого затевать ссору он не видел.

– Не, из Харькова я. А где он сейчас?

– Да там где-то. – длинноносый, потеряв интерес к разговору, махнул рукой влево.

Ну, там так там. Пройдя немного в указанном направлении, Антон обнаружил Гришу в компании ещё двоих пехотинцев, долбящих высушенный солнцем и ветром до каменной твёрдости грунт. Как легко догадаться, воодушевление в глаза не бросалось.

– Здорово!

– Здорово!

Петренко с явным облегчением отложил лом в сторону. Его напарники скорчили было недовольные гримасы, но тут же последовали примеру товарища. Кстати, кажется, они в самолёте вместе летели. Понятно – «дедовщину никто не отменял».

– Что, как тут у вас?

Гриша раздражённо сплюнул.

– Да блин, затрахали уже. «Молодым», типа, назначили, и ишачь давай за всех. Хотя у самих две трети недель раньше нас как в первую командировку прилетели. У тебя чего?

– Да нормально. – Антон пожал плечами. – Все новые, кто с нами прилетел, кто с прошлой партией. Командир «старый» только, но он скоро свалит. Адекватный чувак, кстати, шарящий. Вон, звонит.

Шарьин кивнул на Кота, бродящего в отдалении в поисках лучшего сигнала. Гриша посмотрел в указанном направлении и вздохнул каким-то своим мыслям.

– У тебя ж Стилос тоже ничего так, вроде? – Антон предположил причину печалей товарища. Ответом послужил новый вздох.

– Стилос-то нормальный, только я не у него во взводе. У меня Рябчик взводный. – Гриша искося оглянулся на отдыхающих в сторонке сослуживцев и, понизив голос, добавил. – Мудило полное. Собрал вокруг себя жополизов, а остальные за них пашут. Этот, Курбан-Баран, мля, тоже туда пролез – его земляк у Рябы замом.

Антон завис на несколько секунд, но затем сообразил, что речь о Байрамукове. Как он там обозвался... Хазиз, что ли? Хабез, вот. Ну, удивительного мало – кавказцы в таких ситуациях, с жаждущим ануслизинга начальством, обычно себя как рыба в воде чувствуют.

– А ротный что?

– Афоня-то? – Морлок неопределённо пошевелил пальцами. – Да хрен его знает, не понял пока. Так-то вроде ничего, только в детали не вникает особо. Война начнётся, посмотрим.

Антон хмыкнул:

– Что, у вас тут тоже каждый час новый трассер?

– А то! – Гриша первый раз улыбнулся. – То всех выводят к первому августа, то под Алеппо перебрасывают, то по нефтевышкам раскидают, на охрану... Всё, как всегда.

– Ясно... по быту чего?

– Да нормально... сухпай только подзаколебёт скоро, чувствую. И с водой для мытья напряг.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.